

АНДРЕЙ ЗВОНКОВ • ДМИТРИЙ ЯНКОВСКИЙ

ЧУМНОЙ ПОЕЗД

МЕДИЦИНСКИЙ ТРИЛЛЕР

ФАКТОР РИСКА

Фактор риска. Медицинский триллер

ДМИТРИЙ ЯНКОВСКИЙ

Чумной поезд

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Янковский Д. В.

Чумной поезд / Д. В. Янковский — «Эксмо», 2017 — (Фактор риска. Медицинский триллер)

ISBN 978-5-699-99954-5

Беря билет в плацкартный вагон, демобилизованный сержант Еременко и не подозревал, что заразился легочной формой чумы, смертельной в девяноста пяти процентах случаев. В то же время за дембелем охотится беспринципный убийца, ради собственной цели готовый принести сколько угодно жертв. Вот так мирный состав, везущий на юг множество семей отдыхающих, становится поездом смерти.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99954-5

© Янковский Д. В., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	40
Глава 5	45
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Дмитрий Янковский, Андрей Звонков

Чумной поезд

© Звонков А., Янковский Д., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Глава 1

В которой Алексея Еремеенко принимают за геолога, а толстушка Карина строит планы на будущее

За окнами вагона наконец сгустилась темнота. В родных краях, откуда прибыл на срочную службу сержант Еремеенко, солнце, как всюду на юге, садится летом в полдевятого, не позже, а не в одиннадцать часов вечера. Первое время, в подмосковной учебке, к поздним закатам и светлым ночам пришлось привыкать. Особенно к тому, что над северным горизонтом небо вообще не чернело всю ночь, а отливало оттенками расплавленного янтаря. Но теперь, по мере удаления поезда на юг, жизнь возвращалась в прежнее русло.

Забравшись на верхнюю боковую полку плацкарта, Еремеенко пялился на проплывающие за окном фонари и на собственное отражение в стекле. Несмотря на легкое недомогание, он улыбался. Чего стоит дурацкая простуда, подхваченная под вентиляцией в бункере, в сравнении с вновь обретенной свободой? Мелочи. Судя по позывам к влажному кашлю и отсутствию гриппозной ломоты в суставах, инфекция развивалась бактериальная, а не вирусная, что побудило Еремеенко купить в вокзальном аптечном пункте бисептол. Мама всегда его лечила бисептолом, и сержант в него верил. После приема таблеток состояние не то чтобы стабилизировалось, но как-то внутренне стало спокойнее и появилась надежда, что к утру простуда пройдет и вовсе.

Впрочем, мысли его куда больше были заняты перспективами гражданской жизни, чем простудой. Правду ведь говорят, что чем труднее дается достижение цели, тем больше радости оно приносит. Уволился Еремеенко не сразу. Пришлось понервничать. Мало того что он демобилизовался последним из своего призыва, так еще и полковник Бражников уговорил его задержаться в части на три дня¹. Хорошо, не бесплатно. За так и не имело бы смысла оставаться, не только отдаляя долгожданную свободу от дисциплины и устава, но и рискуя нажать неприятие.

Некоторые дембеля стараются разукрасить форму, в которой увольняются, плетут аксельбанты из парашютных строп, вытаскивают из акрила неуставные лычки и занимаются прочей фигней. Сам он на это время не тратил, прекрасно понимая, что никакой радости эти побрякушки дома не принесут и навсегда будут похоронены в кладовке. Вместо этого он намного усерднее, чем другие, изучал воинскую профессию и смежные дисциплины – радиотехнику, цифровую электронику, системы очистки и охлаждения воздуха. Внутренним чутьем и здравым смыслом понимая, что навыки, обретенные на службе, он нигде и никогда не получит, а вот пригодиться они могут и на гражданке. За это его ценил полковник Бражников и прилагал усилия, чтобы сделать службу сержанта менее насыщенной покраской заборов и подметанием плаца, зато более эффективной.

От военной формы Еремеенко избавился еще на вокзале, сразу после посещения коменданта. Зашел в туалет, там упаковал мундир в дорожную сумку, а взамен натянул купленные джинсы, черную футболку с изображением мультяшного удава, а поверх нее серую жилетку с большим количеством карманов. Ему нравилось прозвище, которым его наградили салаги на службе. За худобу, высокий рост, прозорливость и привычку раскачиваться, если что-то рассказывал или размышлял, они прозвали его Питоном, за что он их, всех оптом, окрестил бандерлогами. Ради их подготовки Бражников как раз и уговорил сержанта задержаться еще на три дня. Это, конечно, стоило нервов.

Зато теперь все волнения позади, а денег в кармане после покупки вожденного смартфона осталось достаточно, чтобы в пути угостить пивком понравившуюся девчонку. Ясно

¹ Об этих событиях читайте в романе А. Звонкова и Д. Янковского «Не время умирать».

было, что первую встречную вряд ли сразу получится уговорить на секс, но Еремеенко настолько истосковался по женскому обществу, что готов был проставиться только за одну лишь возможность душевной беседы с представительницей противоположного пола. К сожалению, кандидаток на приятное вечернее времяпровождение в вагоне, похоже, не наблюдалось, хотя он и был набит до отказа. Пассажиры ехали по большей части компаниями, девушки под присмотром кавалеров или мужей, мамы под не менее бдительным присмотром детей школьного возраста, пожилые пары погреть косточки у теплого Черного моря, мускулистые спортсмены, обсуждающие достоинства анапского виндсерфинга, краснолицые парни с заметным украинским акцентом, ожидающие возможности тяпнуть по сто пятьдесят граммов водочки, хмурые молчаливые кавказцы, недобро взирающие на всех, кто останавливал взгляд на их замотанной в хиджаб подруге. В этих взглядах читалась сакраментальная фраза из фильма про «Неуловимых мстителей»: «Она нэ танцует!» Одинокая девушка подходящего возраста в обозримом пространстве наблюдалась всего одна. Она тоже, судя по взглядам, искала, с кем познакомиться, но в ней было, наверное, под центнер веса, и ее не хотелось рассматривать в качестве сексуального объекта.

Оставалось лишь распаковать купленный перед отъездом смартфон и посмотреть, для чего он годится без подключения к Интернету. Симка в смартфоне еще не стояла, ее купить можно только дома, выбрав подходящий местный тариф. Зато даже без симки этот смартфон не только полностью отвечал представлениям о крутизне, но и стал для Еремеенко чем-то вроде памятного знака обретенной свободы после увольнения со срочной службы. Первая гражданская покупка.

Однако, просмотрев фабрично установленные приложения, Еремеенко ничего интересного для себя не обнаружил. Программы носили либо служебный характер, либо не работали без подключения к Интернету. Оставалось только испробовать камеру, которая, судя по маркировке, имела аж сорок мегапикселей! Но оставалось найти объекты съемки, чтобы оценить качество снимков. Фотографировать особо было нечего, а поиграться с новым приобретением очень уж хотелось, поэтому, выключив в настройках звук затвора и делая вид, что читает с экрана, Еремеенко сделал снимок пассажиров, находившихся в зоне видимости. Условия освещенности были не очень, но именно это позволяло адекватно оценить качество камеры. Правда, на первой фотографии все получилось размазанным. Пришлось чуть поправить настройки и сделать еще один снимок. Он получился великолепным.

Еремеенко поразился, насколько ярким, четким и контрастным он выглядел. Но Алексей тут же заподозрил подвох. Что, если он так сочно отображается только на экране данного смартфона? Он уже слышал о таких уловках производителя. Стоит посмотреть фотографии на любом другом устройстве, и вся красота исчезает, фотографии становятся самыми обычными блеклыми и не очень резкими. Делать все равно было пока нечего, и Еремеенко решил проверить догадку. Он вынул карту памяти из флагманского смартфона, вставил ее в свой заурядный копеечный «рукоблудник», а та, что стояла там, временно заняла место в шикарном девайсе.

Запуская галерею фотографий, Еремеенко волновался, боясь, что результат его не порадует. Но обошлось, сделанная фотография отлично смотрелась и на старой машинке. Бодрое расположение духа вернулось к сержанту, но больше новый смартфон пока не для чего было применить. Толк от него будет лишь по приезде, когда удастся скачать несколько интересных приложений. С сожалением выключив смартфон, чтобы попусту не сажать аккумулятор, Еремеенко снова уставился в окно.

После выхода поезда из московской санитарной зоны открыли туалеты, и началось брожение пассажиров. Проводница собрала билеты, укладывая их в папочку, согласно занятым местам.

– Из экспедиции, наверное? – чуть улыбнувшись, спросила она, глянув на Еремеенко.

– С чего вы взяли? – несколько опешил тот.

– Опыт! – ответила она. – В глазах возвращающихся с вахты какое-то время сохраняется огонь желания жить полной жизнью.

«Ни хрена себе завернула», – подумал Алексей.

– Вы на философском учились? – не скрывая иронии, спросил он вслух.

– С моей работой не нужно ни философского, ни психологического.

Она зачем-то подмигнула и двинулась дальше по вагону, собирая билеты.

Еремееenko призадумался, глядя ей вслед. А что, если это не просто философия, а попытка заигрывания? Маловероятно, но, в принципе, объяснимо. Существуют ведь нимфоманки. И для них трудно придумать работу лучше, чем проводницей. Договорилась с любым понравившимся мужчиной, заперлась с ним в купе, и твори что хочешь. Понятно, что это лишь в теории, но чего бы она вообще стала разговаривать с одиноким парнем? И почему именно с ним? На взгляд Еремееenko, это можно было объяснить двумя причинами. Во-первых, почти все мужчины в вагоне ехали с женщинами. Исключение составляли лишь двое украинцев и четверо виндсерферов, гоняющихся за морскими ветрами. Но украинцев, истосковавшихся по качественному алкоголю, судя по бегающим глазкам, больше интересовала возможность тяпнуть рюмашечку, а спортсменов в вагоне было всего четверо, и с любым из них было сложно побеседовать с глазу на глаз с целью соблазнения.

У Еремееenko чаще забилося сердце. Неужели удача сразу ему улыбнулась в лице доступной женщины с отдельным купе? Поверить в это сложно, но надо быть полным идиотом, чтобы никак не отреагировать на такой шанс. И хотя проводница не выглядела журнальной красоткой, но было ей около тридцати и фигурка вполне себе ничего. Кроме того, после годичного воздержания Еремееenko значительно снизил свои критерии к противоположному полу.

Проводница не успела разложить белье, пока поезд готовился к подаче на запасном пути, что характерно для сборных и дополнительных составов, поэтому прошла по вагону второй раз, чтобы раздать пассажирам забытые ею пакеты. И снова улыбнулась Еремееenko, протянув пакет с бельем!² Это точно никак не могло быть случайностью, и очень хотелось верить, что это совсем не случайность.

«Задорный перепихончик мне сегодня точно не помешает, – подумал Еремееenko, ощущая, как кровь разгоняется в жилах. – Наверняка бы и доктор прописал в лечебно-профилактических целях!»

– Молодой человек, пожалуйста, помогите достать матрац! – обратилась к Еремееenko худощавая женщина из соседнего плацкарта, путешествующая с мальчиком лет десяти.

Сержант отвлекся от приятных мыслей, соскользнул с верхней полки и помог разобраться с матрацами не только просившей даме, но и одинокой толстушке, то и дело бросающей на него заинтересованные и смущенные взгляды. Та была одета в простенькие легкие штаны с большими карманами и в темно-красную футболку навыпуск. На ее счет Еремееenko как раз никаких идей не имел, но если фортуна повернулась к нему лицом, непременно стоило совершить что-то доброе, например, помочь тем, к кому жизнь оказалась менее благосклонной.

– Спасибо... – Толстушка еще больше смутилась от оказанного внимания.

Выполнив долг, Алексей подумал, что пока пассажиры не улягутся, соваться на разведку к проводнице смысла нет, все равно им не удастся побыть наедине в закрытом купе. С другой стороны, надо было как-то ей дать понять, что он понял ее сигнал и готов на ответные действия. Нужно было как-то завязать разговор и затронуть деликатную тему, и сделать это надо быстро, пока она не раздала все белье и не направилась обратно к себе. Можно было у нее что-то купить, но нечто такое, на что деньги не окажутся выкинутыми попусту. Пиво? Нет,

² Сейчас обычно белье уже лежит на полках (деньги за белье входят в цену билета!).

пиво нельзя, он ведь выпил таблетку от простуды³. Чаю? Чаю не хотелось совершенно. И тут приступ великодушия подсказал ему верный ход.

– Шоколадку хотите? – напрямую спросил он у толстушки.

– Вы серьезно? – Девушка опешила от неожиданности.

– Вполне.

– Тогда лучше вафельку, – осторожно попросила она.

«Вафельку! – подумал Еремеенко, едва сдерживаясь, чтобы не прыснуть смехом. – Очуметь».

Но ход оказался дельным. Когда проводница по пути обратно в свое купе поравнялась с Еремеенко, он спросил:

– А сладенькое у вас что-нибудь есть? Например, вафли?

– Конечно. Шоколад, печенье, крекеры, вафли.

– Замечательно. – Еремеенко удовлетворенно кивнул и поднялся с полки.

– Ну, тогда идемте. – Проводница пропустила Еремеенко вперед.

Не заходя в ее купе, он подождал в дверном проеме, когда она достанет с полки упаковку с вафлями.

– Нашел, кого угостить? – напрямую спросила проводница, пока никого не было рядом.

– Тьфу, глупости? Вы ее видели? Это же предлог, чтобы с вами поговорить тет-а-тет.

У нас в экспедициях со сладеньким большие проблемы. Можно сказать – катастрофическое положение!

– Это я в курсе. Ты, похоже, не из тех, кто женщинам предпочитает водку. Даже пива себе не купил.

– У вас глаз – алмаз!

– Можно на «ты», – предложила проводница. – А то я и так рядом с тобой себя ощущаю одновременно бабушкой и педофилкой. Меня зовут Анна, можно Аня.

– Меня Алексей. На одну букву начинаемся.

– Ага. Лишь бы ты, начавшись на «а», на ней бы и не кончился.

– Скорее уж в ней, – осмелев, ответил Еремеенко, получая удовольствие от столь откровенной двусмысленности.

– Да, парень, похоже, припекло тебя не на шутку. Мне это в тебе нравится. Как пассажиры улягутся, давай приходи тихонько ко мне в купе. Будет тебе полный набор сладостей. Только не усни.

– Ага, конечно. После такого предложения у меня внутренний будильник уже начал звонить и сам не отключится.

– Вафельку не забудь. – Аня протянула упаковку. – А то девочка дважды расстроится.

– Не расстроится. Раз такое дело, я, с твоего позволения, свожу ее в ресторан. Очень хочется кого-то облагодетельствовать.

– Ну, валяй. А то замаешься время коротать.

Возвращался на свое место Еремеенко как на крыльях.

«Не показалось, – думал он. – Не померещилось! А она очень даже ничего!»

В какой-то момент эротические фантазии в виде мечтаний о предстоящем так захлестнули его, что пришлось выправить футболку, чтобы физиологическое отражение хода его мыслей не стало заметно окружающим. Но от толстушки это не ускользнуло, когда она брала из рук Еремеенко угощение. Она посмотрела на него одновременно со смущением и с надеждой.

³ Распространенное заблуждение. Пиво не убивает лечебного эффекта антибиотика, а вот витамины В, которые в нем есть (если это живое пиво), как раз помогают триметаприму (главный лечебный агент бисептола) легче убивать бактерии и тормозить их размножение.

«Похоже, что девочка изголодалась не меньше, чем я, – подумал сержант. – Но ей намного труднее. Жалко ее. Только утешить, как ей бы хотелось, сейчас я точно не смогу».

– Слушай, а зачем ты будешь аппетит перебивать? – неожиданно для самого себя спросил Еремеенко. – Пойдем сходим в вагон-ресторан и возьмем курочку-гриль. Хочешь? А то я даже не обедал толком и тем более не ужинал.

Как только Еремеенко заговорил о еде, проснулся его питоний желудок, занял сладкой болью, напоминая о себе.

Впрочем, эта идея родилась не на пустом месте. Во-первых, проводница была права, время до встречи надо как-то скоротать. Во-вторых, перекусить все равно хотелось, и уж лучше поесть нормально, чем давиться всухомятку печеньками. В-третьих, смолотить целую курицу в одно горло хотя и было Еремеенко по силам, но зачем в себя запикивать хорошую еду, если можно ей поделиться и получить дополнительное удовольствие от собственного великодушия. В-четвертых, опять же в компании все-таки лучше, чем одному.

– Ой... Правда? – Толстушка округлила глаза.

– Конечно. Я Алексей. А тебя как зовут?

– Карина. Подожди, я вещи переложу.

– Давай помогу, Карина. Красивое имя. В роду есть армяне?

– По маминой линии. – Девушка кивнула.

Они вдвоем быстро уложили вещи Карины в багажный отсек под полкой и направились к вагону-ресторану. Поезд катился мягко, по «бархатному пути», без стыков, но все равно вагоны раскачивало из стороны в сторону. В тамбурах слышался грохот колес, а металлический пол ходуном гулял под ногами. Поезд подъезжал к Голутвину, и вагоны, сбавив скорость, бились на стрелках.

– Ой! – Карина пошатнулась, но Еремеенко успел подхватить ее под локоть.

«Она хоть и толстенькая, но прикольная, – подумал он. – Вся словно светится изнутри».

Мысль была непривычной и совершенно несвойственной для Еремеенко. Никогда раньше он не пытался смотреть на женщин иначе, чем на объект исключительно сексуальный. Но тут его мировоззрение словно дало сбой, и выходило, что с Кариной, несмотря на ее явно избыточный вес, не только можно пообщаться, но и получить от этого удовольствие. Подумалось даже, что если бы жизнь не столкнула их в поезде, в качестве случайных попутчиков, если бы они встретились в каком-нибудь другом месте или при других обстоятельствах, Еремеенко был бы не прочь завести с Кариной обычные дружеские отношения. Не спать с ней, конечно, – это уж чересчур, а вот затусить на пару, может быть, сходить куда-нибудь было бы прикольно.

– Постой... – Карина придержала его за руку посреди очередного перехода между вагонами. – Скажи, зачем ты это делаешь? Или почему?

Ее слова едва можно было разобрать из-за грохота колес.

– В каком смысле? – Еремеенко сделал вид, что не понял.

– Ну... Я ведь толстая, думаешь, я не знаю? – напрямик спросила Карина. – Зачем это все?

– Смеешься? – Еремеенко широко улыбнулся. – Ты классная. Я тебя знаю десять минут, а уже жалею, что мы не из одного города.

– Это ты смеешься надо мной. – Карина поджала губы. – И мне непонятно зачем.

– Да нет. Правда! – На перестуках Еремеенко приходилось говорить громко, почти кричать. – Сначала мне просто захотелось тебе сделать что-то приятное. Ну, потому что у меня хорошее настроение, а ты едешь одна, как и я. Но стоило разговориться, и я понял, что хочу провести с тобой вечер. Это честно. Идем.

– Нет, ты что, серьезно? – От избытка чувств на глазах Карины блеснули слезы.

– Тьфу на тебя! Еще не хватало разреветься. – Еремеенко взял ее за плечо и, повинувшись неожиданному порыву, погладил по голове.

От неожиданного проявления нежности в нем что-то словно перещелкнуло. За год он отвык от такого обращения. Пришлось сделать внутреннее усилие, чтобы заставить себя сказать как можно проще и веселее:

– Идем, правда, жрать уже хочется. Очень.

Говоря это, Еремеенко покривил душой. Есть, конечно, хотелось, но не очень, так как немного поташнивало и побаливало в груди и в животе. Но он решил, что это как раз от голода. Как закинет в топку пару кусочков курочки да отварной картошечки, так сразу и появится радость!

Добравшись до ресторана, они заняли свободные места у окна, заказали чай и курицу гриль. Официантка предупредила, что ресторан в два ночи закроется на уборку, и попросила особо не расслаживаться. Еремеенко был в ударе, шутил, дурачился, оказывал знаки внимания. Он все больше понимал, что избыточный вес Карины, который поначалу вызвал едва ли не отвращение, уже не имеет для него никакого значения. У них в части был парень, тоже жирдяй-ботаник, объект постоянных издевательств и насмешек, но Еремеенко с ним дружил и пару раз, защищая товарища, даже пускал в ход кулаки. И почему он должен пренебрежительно относиться к этой толстушке? Только потому, что она девушка?

«Фигня это все, – думал Еремеенко, глядя, с каким удовольствием и уважением к пище Карина ест курицу. – И плевать мне, что по этому поводу думает пресловутое общественное мнение».

За чаем разговорились. Еремеенко побаивался сказать, что он только что уволился из армии. У девчонок, он слышал об этом от сверстников, предвзятое отношение к недавно демобилизованным парням. Дескать, бывшие солдаты так изголодались по женским ласкам, что у них просто рвет крышу и они способны на любые глупости и гадости ради получения желаемого. И хотя сержант не очень-то доверял легендам, бродящим по казарме после отбоя, но он не хотел вызвать у Карины подозрение, что решил соблазнить хоть толстушку, раз уж больше некого. Он ничем, решительно ничем не хотел ее обижать. Неожиданно проснувшееся чувство можно было бы назвать рыцарским, если бы слово уже не было напрочь забыто. Потому Алексей воспринял его скорее как ответственность и нежность, может быть жалость. Но не унижающую, а самую добрую. Поэтому он на ходу сочинил легенду, что ездил в Москву на заработки. В качестве доказательства показал свой крутой смартфон, дескать, вот, не зря трудился!

– А чего он выключен? – удивилась Карина.

– Только купил, решил симку дома поставить. – Еремеенко отмахнулся. – А без Интернета от него толку мало. Только в качестве фотика если.

– О! – Карина воодушевилась. – А давай селфи сделаем?

– Ну давай. – Еремеенко с усмешкой пожал плечами и хотел было уже включить смартфон, но Карина его остановила.

– Давай на мой, – попросила она, доставая аппарат из кармана штанов. – Хочешь, я тебе честно скажу почему, а ты решишь, фоткаться со мной или нет.

– Ты о чем?

– Понимаешь... Мы с тобой доедем, каждый до своего города, я потом проснусь утром, и мне трудно будет поверить, что в моей жизни был этот чудесный вечер, ужин... И ты. Все покажется сном, выдумкой или мечтой. А так точно буду знать – реальность!

– А ты, кстати, из какого города? – запоздало поинтересовался Еремеенко.

– Из Анапы, а ты?

– Вот это прикольно! Так я тоже из Анапы! Улица Крепостная.

– А я с улицы Ивана Голубца! – Карина рассмеялась. – Вот здорово! Оказывается, мы с тобой живем в двух шагах друг от друга.

– За такое знакомство можно и выпить! – Еремеенко поднял стакан с чаем так, словно в нем было вино.

Он подсел к Карине, и они сделали несколько совместных снимков на ее смартфон. Пару раз, осмелев, он обнял ее за плечи. Фотографии получились забавные – тощий Еремееenko колоритно смотрелся в обнимку с толстушкой. Припомнился известный видеоролик дуэта «Боня и Кузьмич».

– Может, еще чего-нибудь? – спросил он, вернувшись на свое место за столиком.

Он вдруг понял, что предпочел бы всю ночь провести с Кариной, проигнорировав недвусмысленное предложение проводницы.

– Не знаю. Надо бы хоть немного поспать, – ответила Карина. – А то неохота завтра быть как вареная курица.

– Ну, тогда, сударыня, позвольте вас проводить.

– Тем более что в поезде, как и за его пределами, мы живем совсем недалеко друг от друга.

В плацкарте Еремееenko помог Карине застелить постель, затем, стараясь не потревожить бабушку на нижней полке, забрался наверх. Его зазнобило немного, причем резко, будто включился внутренний генератор. Такое бывало, когда поднималась температура.

«Не уснуть бы», – подумал Еремееenko.

После вечера, проведенного с Кариной, он ощущал не только недомогание, но и заметное возбуждение. Он не хотел представлять толстушку голой, вряд ли бы ему это понравилось, но в одежде она ему уже откровенно нравилась. Настолько, что сексуальное желание не угасло, а, наоборот, проявлялось еще сильнее. Полнота Карины вдруг стала восприниматься как одежда, под которой скрывается изящное гибкое худенькое тело. Но, немного подумав над этической стороной вопроса, над обязательствами и ответственностью, Еремееenko все же решил, что ни к чему не обязывающий секс с проводницей-нимфоманкой нельзя расценивать ни как преступление против человечности, ни как предательство в отношении Карины. Пусть это будет как бы лечебная процедура. С другой стороны, он твердо решил продолжить знакомство с девушкой после возвращения домой. Немного помаявшись на полке и дождавшись, пока она уснет, Алексей осторожно соскользнул на пол и надел легкие сетчатые кроссовки на босу ногу. Пробравшись по вагону, он тихонько постучался в купе проводницы.

– О! Явился за сладеньким? – Открыв дверь, Аня улыбнулась. – Я уж думала, не дождусь.

– С чего бы?

– Да мало ли... Может, перевозбудился да и скинул все желание в туалете. Знаю я вас, вахтовиков-возвращенцев.

– Не, я не такой! – Еремееenko решительно шагнул через порог, одной рукой обнял Аню, другой захлопнул дверь купе.

– Притормози, оголодавший! – рассмеялась Аня.

– Чего ждать-то?

– Ты что, девственник? Не знаешь, что к женщинам подход нужен? У меня есть водочка. Примешь пятьдесят, для храбрости?

– Нет, – ответил Еремееenko, понимая, что после таблеток алкоголь ему противопоказан. – У меня физиология с водкой плохо совместима. Даже после воздержания.

– Тьфу, какой нежный мужик пошел! – Аня скривилась. – То ему старая, то ему толстая, то пахнет не так, то интимная прическа не по тому циркулю, то от водки не стоит...

– Ну, женщины тоже бывают... Это я не о тебе, но так, чисто ради справедливости.

– Ну ладно, хоть чаю выпей.

В голове Еремееenko замигала воображаемая красная лампочка сигнала тревоги. Что, если настойчивость, с которой Аня предлагала хоть что-то выпить, связана совсем не с радушием? Еремееenko не с Луны упал и прекрасно знал о существовании проституток-клофелинщиц, подливающих зелье в выпивку клиентам, чтобы те надежно лишились сознания. Но чтобы проводница?

Сержант укорил себя за излишнее простодушие. Стоило замаячить перспективе вступить в сексуальную связь, и он тут же, потеряв голову, готов был поверить в им же придуманную теорию о проводнице-нимфоманке, а не в здравую мысль, что его решили банально ограбить. Но даже подумав об этом, Еремеенко все равно не смог себя убедить в очевидном. Уж очень хотелось ему оттянуться и «спустить пар», накопленный за год военной службы.

«Я же не пью ничего, – подумал он. – Как она меня ограбит? Если сама не даст через пять минут, можно будет спокойно идти спать».

– Чаю я уже в вагоне-ресторане напился, – ответил он.

– Ну, ты и фрукт, Леша. – В голосе Ани послышалось раздражение.

Он не видел, что она, отвернувшись к столу, дважды нажала на тангенту рации. В эфире это создало звук, словно два раза коротко прошипели помехи. Кто в курсе условного сигнала, примет его, а кто не в курсе, тот ничего не поймет и не заподозрит.

– Я ведь не чай пить пришел, – напрямик заявил Еремеенко, не скрывая разочарования в голосе.

– Да ладно, не дуйся! – Аня прильнула к нему и потрепала по голове. – Ты с моей точки зрения на это взгляни. Пойми, что при всем бушующем во мне желании мне как-то неловко просто снять трусы и раздвинуть ноги. Я все-таки женщина. У меня тоже есть психология-физиология, и она включается от ласковых слов и хорошего обращения.

«Нет, не подстава, – с облегчением подумал Еремеенко. – Похоже на правду. К тому же она никому не звонила. А заранее устроить засаду тоже не могла, она ведь не знала, когда именно я приду. Одной ей со мной не справиться. Главное, не пить ничего. Раскрутится, хорошо, а нет, пойду спать».

Для эксперимента он притянул ее и поцеловал в губы. Губы у нее были сухими, тонкими, но все равно приятными.

– Так-то лучше... – прошептала она.

«Нет, не подстава...» – еще увереннее подумал Еремеенко.

– Я хочу тебя... – страстно прошептала Аня, прижимаясь еще сильнее. – Надо только вентиляцию в тамбуре закрыть. Я не достаю. Поможешь? Тебе роста без стремянки хватит.

– Это точно! – довольно ответил Еремеенко. – Помогу без проблем! Идем!

Аня выпустила Еремеенко, вышла следом и закрыла за собой дверь купе. Затем открыла выход в тамбур, перешагнула порог и подняла взгляд к потолку, словно примериваясь, как ловчее повернуть рычаг вентиляции. Не думая о возможном подвохе, Еремеенко поспешил следом и тоже в первую очередь посмотрел на потолок. А когда понял, что, кроме них с Аней, в тамбуре поджидают еще двое крепких мужиков, на оценку ситуации уже не оставалось времени.

Рыжеволосый парень из удобного положения и без слов ударил сержанта кулаком в голову, но тот рефлекторно шагнул вперед, ушел с линии атаки и увернулся от кулака, который крепко впечатался в железную стену тамбура. Еремеенко нанес ответный удар изо всех сил, вложив в него всю нахлынувшую свирепость, а затем, вдогонку, пнул нападающего в колено. Дитина охнул, отшатнулся, не ожидая такого отпора, и зашипел сквозь зубы, схватившись здоровой рукой за колено. При этом он тряс ушибленной кистью. Второй из нападавших сунул руку в карман.

«Пистолет или нож», – успел подумать Алексей.

В юности он никогда не избегал жестоких уличных драк между районами, специально не искал ссор, но и не уклонялся, если вдруг звучал вечный зов: «Наших бьют!» И благодаря этому обладал богатым опытом рукопашных схваток. Кроме того, длинные руки, высокий рост, гибкость и природная ловкость давали ему возможность успешно применять бойцовские навыки на практике. За пару лет дворовых стычек он уяснил для себя несколько вещей, имевших, на его взгляд, ключевое значение в кулачном бою без оружия. Первое – нельзя осторожничать.

Ни в чем. Нельзя отпрыгивать, увеличивать дистанцию до противника, потому что это лишь удлиняет время драки и сбивает дыхание. Нельзя беречь себя. Но в то же время нельзя беречь противника. Бить нужно изо всех сил, с хорошего замаха, на приседе, вкладывая в удар не только и не столько силу руки, сколько вес всего тела. Второе – нужно проявлять свирепость всеми доступными способами, включая мимику и голос. Иногда одного дикого крика, рычания достаточно, чтобы на уровне подсознания ввергнуть противника в ужас и заставить задуматься, стоит ли иметь дело с больным на всю голову психом, рычащим и оскаленным подобно зверю. Третье – не нужно задумываться о каких-то приемах, захватах и бросках. Бить нужно не только мощно, но и непрерывно, подавляя противника напором, не давая возможности перевести дух, оглядеться и оценить обстановку. Зачастую именно скорость нанесения ударов решала исход схватки. Именно из-за частоты ударов кошка способна одержать победу над собакой, которая в несколько раз тяжелее ее и сильнее. И четвертое – бить нужно по самым уязвимым местам, не стесняясь, лупить по коленям, тыкать пальцами в глаза, ломать носы, отрывать уши и наносить другие увечья, способные ошарашить противника особой жестокостью.

Но если в драке появляется оружие, то искусство уличной драки или перестает иметь смысл, или требует усиления в несколько раз по каждому пункту. Тут уж и вовсе не до игрушек. Здесь же, в тамбуре, оказавшись зажатым между двумя верзилами, каждый из которых весил на десяток килограммов больше тощего дембеля, сержант понял, что его не собираются просто побить. Так люди не бьют. Драки всегда начинаются со словесных баталий, с оскорблений, с запугивания. Нападают молча, без слов, только когда убивают. А значит, эти двое поджидали тут его именно, чтобы убить, а не с какой-то иной целью. Они напали именно на того, кто шагнул в тамбур следом за Аней. Безошибочно, чтобы не напасть на случайного пассажира, возвращающегося из ресторана.

Значит, действовать нужно с максимальной решимостью. На кону не материальные ценности, на кону жизнь.

Еремееenko не стал ждать, пока черноволосый достанет из кармана то, зачем потянулся, а бросился в атаку. Сначала нанес удар кулаком в нос. Прوماх! Противник довольно ловко отвел удар свободной рукой. Но Еремееenko не собирался на этом останавливаться. Шаг вперед, и сразу же удар локтем снизу вверх в подбородок. Тут уже черноволосый не успел увернуться, он клацнул зубами и, похоже, здорово прикусил язык. Он сделал еще шаг вперед и ударил всем телом. Верзила не удержал равновесие и впечатался спиной в наружную дверь вагона. Не давая ему опомниться и опустить задравшийся подбородок, сержант изо всех сил нанес прямой удар кулаком в кадык. В шее бандита что-то хрустнуло. А после такого обычно драться уже невозможно. Даже дышать сложно. Еремееenko в молодости сам пропустил парочку таких ударов и знал, что теперь черноволосый сможет только сидеть на корточках и хватать ртом воздух, как выброшенная на берег рыба.

Но нельзя забывать и о втором нападавшем! Не оборачиваясь, глядя в отражение дверного стекла, Алексей лягнул ногой назад, стараясь попасть противнику в пах или живот. Но тот уклонился, зашел сбоку, отпихнув проводницу, и крепко приложил сержанта кулаком в ухо. К счастью, тот успел приподнять локоть, поэтому удар пришелся вскользь по виску, но искры из глаз все равно полетели.

Присев, Еремееenko встретил рыжего верзилу серией ударов по ребрам, но при такой разнице в весе это не могло надежно вывести из строя противника. Поэтому пришлось присесть еще ниже, схватить двумя руками противника за пояс и попытаться швырнуть через спину. Вот этого верзила не ожидал, сам стремился вперед, а тут ему еще активно помогли. Перевалившись через сержанта, он боднул лбом дверную ручку и грохнулся на четвереньки. Такой выгодной ситуации упускать было нельзя. Алексей распрямылся, подпрыгнул, как можно выше, и хотел было приземлиться коленями верзиле на спину, чтобы сломать позвоночник, но не рассчитал высоту потолка и свой рост. В результате прыжок закончился, не начавшись – Еремее-

енко шарахнулся макушкой в потолок с такой силой, что у него на миг помутилось сознание. Тем не менее он все же попал в цель, только не коленями, а локтем. В позвоночнике противника что-то хрустнуло, и тот повалился на пол.

Обернувшись, сержант увидел у черноволосого в руке баллон с перцовым газом. Вот это уже было пострашнее ножа. Ножом еще надо суметь ударить, особенно через одежду, и надо иметь решимость, хорошо стоять на ногах, чтобы добиться результата. Если бы в руках противника, который никак не мог отдышаться, оказался нож, схватку можно было считать выигранной. Но струя перца, пущенная в лицо, обладает колоссальным останавливающим действием. Дыхательный аппарат человека так устроен, и дело тут вовсе не в слезоточивом эффекте. Просто испарение перцовой вытяжки так воздействует на рецепторы, что те, совершенно рефлекторно, не дают сделать нормальный вдох. А где нет снабжения кислородом мышц, там не может быть и нормального движения.

Алексей попытался отвернуть лицо, но было поздно – струя едкого газа ударила в нос и в глаза. То, что удалось опустить веки, значения уже не имело. Нужно было максимально использовать ту пару секунд, в течение которых действующее вещество окажет влияние на организм. Не задумываясь, Еремеенко нанес удар большим пальцем в глаз противника. Тот глухо взвыл, выронил баллон, который от торможения поезда закатился в щель тамбурной лестницы. Еще два удара Еремеенко нанес локтями, уже теряя дыхание. Поезд заметно сбавил ход, приближаясь к какому-то крупному городу. За окнами мелькали огни пригородных платформ.

Нужна еще хотя бы секунда, потому что, когда перец подействует окончательно, с Еремеенко и одна проводница справится. Она из пассивного наблюдателя могла превратиться в грозную боевую единицу, любой ценой пытающуюся замести следы.

Алексей не мог открыть глаза, иначе перец тут же начнет их выедать. Развернувшись, оставалось лишь вслепую молотить кулаками по воздуху, в надежде зацепить противника. Наконец это удалось – кулак на приличной скорости угодил в нос проводнице, та рухнула спиной в незапертую тамбурную дверь и села на задницу.

Еремеенко, развернувшись, попытался нащупать дверную ручку, чтобы ворваться в вагон и попросить помощи. Но это было ошибкой. Он не успел.

Проводница, понимая, что теперь, с разбитым носом, ей не удастся отвертеться от расспросов, тоже не собиралась сдаваться. Вскочив на ноги, она с короткого разбега ударила Еремеенко плечом в спину, да так, что он крепко впечатался лицом в дверь, а затем, схватив его за волосы, принялась колотить головой обо все попадающиеся твердые поверхности.

Секунду сержант держался, пытался лягаться и лупить локтями, пару раз даже попал, но вскоре перец, смешавшись с потом, все же начал свое действие. Лицо его горело. Еремеенко захрипел, рухнул на колени, прижав ладони к разбитому и залитому кровью лицу, а проводница сняла одну из туфель и нанесла ему по затылку несколько мощных ударов каблуком.

Еремеенко рухнул на пол, отключаясь.

– Сученок... – выругалась Аня, шмыгая разбитым в кровь носом. – Конец тебе. Больше ни на кого не вскочишь, выродок долбаный.

Теперь для нее важнее всего было замести следы. Подельники не только не могли защитить ее в создавшейся ситуации, но и, напротив, их обнаружение в тамбуре грозило серьезными неприятностями. Один, кажется, со сломанным позвоночником, другой с глазом, вбитым внутрь черепа. Такое не замажешь и не объяснишь.

Может быть, в иное время проводница на спокойную голову и выработала бы какой-нибудь план, убедительное объяснение всей ситуации, например, действительно выдав Еремеенко за маньяка-насилльника, а подельников за добрых заступников, которых безумный тощий маньячина изувечил голыми руками без оружия. Но времени уже не было, поезд бился на стрелках узловых станций в пригороде Воронежа, еще десять-пятнадцать минут – и вокзал. Действовать надо решительно и быстро.

Открыв замок спецключом, Аня первым делом вышвырнула из поезда беспомощного черноволосого. Для этого и усилий прилагать не пришлось. Он и так опирался спиной о дверь, оказалось, что достаточно открыть ее, и тело мешком рухнуло вниз, прокатилось по откосу, скрипя гравием в темноте, а затем с хрустом впечаталось в стальную опору и шлепнулось в бетонный водоотводный желоб, подняв фонтан брызг.

Дальше Ане пришлось потрудиться. Рыжеволосый хоть и дышал, но был парализован, а весил килограммов девяносто, не меньше. Пришлось сесть на пол и, держась за трубу стоп-крана, упираясь ногами в тело, выпихнуть его наружу.

В момент падения здорового бандита поезд проходил по путепроводу над платным участком трассы М-4. Кувыркнувшись в воздухе, еще живой верзила приложился головой о металлическое ограждение, по инерции перевалился через него и рухнул прямо в кузов проезжающего внизу огромного самосвала с песком. За шумом мотора и звуками музыки, доносящейся из приемника, водитель не заметил удар. Тело довольно глубоко погрузилось в песок, и на ходу, набегающим потоком воздуха, его начало заметать. Через пару минут уже трудно было понять, что под песчаным холмиком упокоился остывающий труп.

После путепровода поезд еще сбавил ход, и Аня засуетилась, понимая, что времени на принятие решений и действия остается совсем немного. Поезд по большому счету двигался уже в черте города, хотя и через пустынные районы, через промышленную зону.

Сняв с Еремеенко жилетку и обыскав ее, проводница нашла только дорогой смартфон. Второй, совсем никудышный, остался в кармане джинсов, и она даже не стала его вынимать. Затем, уже подробнее обыскав жилетку, она наткнулась на небольшое количество денег. Там же нашелся военный билет.

– Вот тебе и геолог... – окончательно расстроилась Аня. – Чуть с солдатиком в койку не прыгнула. Нюх начинаю терять.

Со злостью она подумала, что живым солдатика выкидывать из поезда нельзя. Скорость уже совсем маленькая, путепровод позади, он наверняка выживет при падении, даже если переломается, затем придет в себя, доберется до полицейского участка и сдаст ее. Чертыхнувшись, Аня закрыла вагонную дверь и сходила в купе за кухонным ножом, чтобы без затей перерезать Еремеенко горло. Но когда она вернулась в тамбур, тот вдруг пришел в себя и увидел нож. Женщина опешила. Она прекрасно помнила, как Еремеенко за пару секунд разделался с двумя громилами, а значит, несмотря на плачевное состояние, представлял огромную опасность и для нее. Но выбора не было. Выставив лезвие ножа перед собой, она осторожно шагнула вперед.

Алексей понял, что против ножа ему не выстоять. Перец неммыслимо жег глаза и не давал нормально дышать, кровь из рассеченных бровей заливала ресницы.

Судя по звуку, поезд плелся едва-едва, видимо, пробираясь по крупному городу. Это давало шанс. Не дожидаясь, когда проводница пустит в ход нож, Еремеенко поднялся на ноги, навалился на ручку замка, а когда дверь распахнулась, вывалился наружу, не примериваясь. Опешившая от такого поступка Аня осталась стоять с ножом в руке.

А для сержанта короткий момент слепого падения закончился суровым ударом спиной и ногами, а затем и потерей сознания. Очнувшись, он понял, что при падении сильно повредил ногу. Боль была жуткая, голень опухла так, что трещали джинсы. Но разорвать ткань не вышло, китайцы давно научились делать ее прочнее туалетной бумаги. Впрочем, болело все тело, просто не так сильно, как нога. Голова раскалывалась, бил озноб, в груди все горело, а кашель так и рвался наружу.

«Сколько я тут пролежал? – подумал Еремеенко. – Солнце уже вышло из-за горизонта».

По его прикидкам, времени прошло больше часа, иначе он бы не успел так усугубить простуду, лежа летом на гравии железнодорожной насыпи.

Что делать дальше, он представлял себе слабо. Попробовал встать – не получилось. Пришлось ползти. Другого выхода нет. Но куда? Вдоль насыпи? Глупо. Пустырь, серые заборы,

высокая трава, и ничего больше. А вот по сторонам виднелись крыши зданий. На западе и южнее строений было много, там точно был город, потому поезд и сбавил ход. Воронеж? Скорее всего, именно Воронеж. После Липецка он пришел к Анне. Логически думать плохо выходило. Мысли путались. Пусть будет Воронеж. Надо двигаться к дорогам. Там люди! Хотя и не факт. Впрочем, разницы нет, до центра города с больной ногой не добраться. Далеко. На севере домов было меньше, но располагались они значительно ближе.

И тут он ощутил в заднем кармане джинсов тяжесть старенького телефона. Неужели проводница его не взяла? Хотя что он стоит в сравнении с дорогим смартфоном? Его-то уж точно сперла, дрянь. Скорее всего, именно из-за него-то все и произошло. Проводница увидела дорожную игрушку, затем подумала, что перед ней геолог, возвращающийся с вахты... Она ведь так и сказала! Вот и весь сценарий. А раз геолог, значит, денег полная сумка и карманы. Вот удивилась, наверное, когда, кроме смартфона и полутора тысяч, не нашла ничего стоящего.

Но наличие телефона вселяло надежду. Можно ведь позвонить в «Скорую» или в полицию. И не важно, что Еремееенко представления не имел, где находится. Он знал, что, чисто технически, оператору несложно определить, с какой базой связан аппарат и где примерно находится. А тут еще и железная дорога как ориентир. Главное, дозвониться и сообщить о себе!

Но радость длилась недолго. Достав телефон, Еремееенко понял, что позвонить по нему уже никуда не получится. Экран треснул мелкими брызгами, а без него не работал и сенсор. Сжав бесполезный телефон в кулаке, Еремееенко попытался собраться с мыслями. Получилось не очень. Чувствовал он себя отвратительно. Боль от побоев и падения быстро нашла общий язык с инфекцией, разрывавшей грудь кашлем, и они вместе принялись вытягивать из Еремееенко последние силы и волю.

– Ну вот уж хрен! – вслух прошептал он. – Я, блин, как Мересьев, и без ног доползу до цели.

Приняв наконец решение добираться до ближайшей дороги, он собрался с духом и пополз через заросли осоки и конотопа.

Скорость такого передвижения оставляла желать лучшего, но выбирать не приходилось. Дальше еще хуже – пустырь оказался засыпан бетонной крошкой, завален проволокой и ржавыми кусками арматуры и кровельного железа. Но Еремееенко сдаваться не собирался.

– Не сдохну я здесь! – упрямо твердил он, работая стертymi почти до кости локтями. – Не сдохну, и все. Не сегодня.

Глава 2

В которой в воронежскую больницу «Скорой помощи» доставляется неизвестный с переломами и воспалением легких, травматологи думают, что с ним делать, терапевт предупреждает о приказе из Москвы, а врач-лаборант РПН нарушает инструкцию

Солнце перевалило за полдень, и летняя жара уже властвовала повсюду, местами разливая по асфальту зеркальные лужицы миражей. Автомобилей на дорогах было немного, так как одни их владельцы уже воспользовались возможностью оказаться на даче, а кто таковой не имел, томились на работе, мечтая оказаться на месте первых.

Машина «Скорой помощи», завывая сиреной и посверкивая синими маячками, выскочила с грунтовки промышленной зоны на окраине Воронежа, оставив за собой облако пыли. «Скорая» выкатилась на асфальт и повернула в сторону города.

– Юра, куда дали? – спросил водитель у сидящего рядом фельдшера в синей униформе.

– погоди минуту, Михалыч! Еще не решили, – не отрывая телефонную трубку от уха, ответил тот. – Должны травматологию нам выделить. И не спеши, я парню не могу дать наркотик, у него все признаки черепно-мозговой. Так что не растрясись, сам видел, у него перелом!

– Не учи отца кататься! – пробурчал Михалыч.

Он выключил сирену, въехав в жилую зону, из спецсигналов оставил только проблесковые маячки над крышей «Газели».

Созвонившись с отделом госпитализации, старший в бригаде фельдшер Юрий выяснил, что неизвестного пострадавшего готовы принять в травматологическом отделении больницы «Скорой помощи». Он сообщил об этом водителю и обернулся через плечо. Там, в салоне, рядом с парнем, лежащим без сознания на носилках, сидел второй фельдшер бригады по имени Василий.

– Как он? – спросил Юрий.

– Никак. – Василий пожал плечами. – В сознание не приходит. Сопор-кома «один». Джинсы бы надо срезать с него, голень, где перелом, сильно распухла.

– Доведем уже через десять минут, – успокоил его Юрий. – На хрен брать на себя лишнюю работу? Шину наложили, и хватит! Сдадим травматологам, а те уж пусть решают, что дальше делать.

Машину снова тряхнуло, но лежащий на носилках парень никак не отреагировал. Василий придержал трубку, ведущую от капельницы к вене пострадавшего.

Вскоре водитель повернул, и «Скорая» подкатила к приемному покою больницы, укрывшийся в прохладной тени шумящих на ветру тополей.

Фельдшеры выскочили из машины, один открыл дверь приемного, второй вместе с водителем вытащил носилки из машины, и вместе они закатили их по пандусу в приемный покой. Там бригаду встретил травматолог приемного отделения Башмин. Увидев шину, побои и капельницу, сразу понял, что больной его.

– К нам? С чем? – с ходу спросил он у старшего фельдшера бригады.

Юрий ответил:

– Закрытая черепно-мозговая травма темени. Множественные ушибы правой стороны тела, плеча, предплечья, перелом правой голени. Двойной. Да и еще. У него то ли ушиб легкого, то ли пневмония двухсторонняя. Сложно понять на ходу. Хрипит сильно. Больше склоняюсь к пневмонии, так как в блистере, найденном у него в кармане, не хватает четырех таблеток бисептола. Но раз уж травма тут тяжелая, то однозначно к вам – с пневмонией разберетесь, терапевты помогут.

– Безымянный, что ли? – с недовольством уточнил Башмин. – Ладно, молодой, одет хорошо, значит, родственники найдутся.

Юрий облегченно выдохнул, решив, что проблемы в приемном отделении не возникнут. Впрочем, ввиду ряда обстоятельств о проблемах думать было нужно. Да, безымянный, да, без сознания, да, без полиса. Но парень молодой, как справедливо заметил Башмин, родня найдется. Как только физиономия вернется в норму, фото отправят на опознание в полицию, если к тому времени сам не придет в себя и не расскажет, кто и откуда. А заодно кто отметелил и что украли.

Башмин сходил в кабинет за перчатками, но быстро вернулся в смотровую, уже в них, и принялся бегло осматривать пострадавшего.

– Криминал стопроцентный, полиция в курсе? – спросил медик. – Что сказали? Что при нем есть?

Он подумывал, удастся ли сбегать неизвестного в другую больницу, но никаких мотивов не обнаруживал. Травматология забита, несмотря на лето и сезон отпусков. Придется принимать.

– Кроме бисептола, при нем был только этот разбитый смартфон, – показал Юрий. – Точнее, валялся рядом. Но вряд ли он чужой. Тем более разбит в хлам. И вероятно, парень еще был в сознании, когда понял, что аппарат разбит, потому и бросил его. Больше ничего по существу не скажу.

– Ладно, запишем как личные вещи. – Башмин вздохнул с заметной грустью. – Где обнаружили пострадавшего, кто нашел? Ребята, давайте поподробнее, мы его еще несколько дней не сможем толком расспросить. А следователь наверняка придет и будет вопрошать. Так что дайте в деталях картинку.

– Нашла его дама с собачкой, в промзоне возле улицы Богатырской. У самой дороги.

– Дама с собачкой? «В Крыму гуляли две собаки, один был шпиц, другая – Ия⁴», – толкая каталку с носилками, фыркнул фельдшер Василий. – Это уж скорее было чудовище, только видом схожее с собакой⁵. Да еще без намордника. У меня до сих пор мурашки по коже от этого монстра.

– Ага. – Юрий усмехнулся. – Какой ты Вачику намордник предлагаешь? Ему корзина для бумаг с трудом на нос налезет.

– Вачик? – Башмин покосился на Юрия. – Кличка больше для чохи подходит.

– Не, там не чоха-чиха! – решил излить душу Василий. – Там помесь бобтейла со всеми известными науке видами овчарок, включая кавказскую. И полное имя зверюги Вахтанг. Вачиком его та тетка звала, которая нас вызвала.

– Менты были? – уточнил Башмин, который никак не мог привыкнуть к слову «полицейские». – Помогите аккуратно на кушетку парня переложить.

Вчетвером они бережно переложили пострадавшего на кушетку, медсестра прикатила стойку для баллонов капельницы.

– Да, полицейские приезжали, – ответил Юрий. – Их эта дама с собачкой вызвала, поначалу вроде бы как на труп. Потом парень застонал, и она уже вызвала нас. Кстати, полицейский просил связаться с ними, как пациент придет в себя, потому что случай откровенно криминальный. Вот его визитка.

– Да, конечно. – Башмин забрал картонку с телефоном и данными следователя, достал из кармана халата платок и протер лоб от пота. – Нашли его у дороги, говорите? Есть признаки ДТП?

– Ну, что-то вроде. Большинство травм, скорее всего, получены в драке, – рассказал Юрий о результатах осмотра. – Но есть множественные ушибы и перелом ноги, голени, судя по гематоме обеих костей. И еще, очень пострадали глаза. Мне кажется, ему из баллончика в

⁴ Из эпиграммы В. Гафта на актрису Ию Савину.

⁵ Цитата из «Собаки Баскервилей» А.К. Дойла.

лицо брызнули. Да и с легкими непонятно что. Дыхание ослаблено, и хрипы с обеих сторон. Но это вам разбираться.

Фельдшер облегченно выдохнул. Ему не давала покоя ситуация с дыханием у доставленного больного.

Пострадавший парень лежал на кушетке, рядом стоял штатив с капельницей. Обезболить наркотиками фельдшеры не стали, ведь на затылке больного имелась огромная гематома, и на первый взгляд что там, под ней, не определить. Поэтому первым делом Башмин написал направление в рентген-кабинет и вызвал санитаров. На грудь больного легла история болезни с короткой записью «*Неизвестный*», а рядом карандашом, чтобы легче было понимать, о ком именно идет речь, – «*Удава*», по рисунку на футболке. Так его и катали санитары по приемному отделению, а пострадавший кашлял, покрывая свое лицо и клеенчатое покрытие каталки розовыми брызгами мокроты.

Когда фельдшеры уехали, а рентгенологи закончили делать снимки, пострадавший остался на кушетке в смотровой, под капельницей. Джинсы с него срезать не стали, аккуратно стянули, придерживая отломанную ногу, отчего пострадавший окончательно потерял сознание, сняли футболку, на которой был изображен мультяшный удав, забрали все вещи, включая телефон и блистер. Все это оформили как личные вещи. Оставили на нем только серые трусы. Взамен снятой одежды на «*Удава*» натянули хлопковую больничную рубашу серо-голубого цвета с завязками. А так как предполагалось, что рубашу придется периодически снимать для осмотров и процедур, ее натянули задом наперед, через руки, прикрыв только грудь и живот. Разговорить больного никак не удавалось. На все обращения он только стонал и кашлял, быстро истощаясь и теряя сознание. Одно утешало, что сердце работало хорошо, хоть и в бешеном ритме, да и пульс был весьма уверенный, давление не снижалось меньше ста десяти на пятьдесят. А значит, никаких тяжелых скрытых кровотечений подозревать повода не было.

Кашель одновременно и обнадеживал и расстраивал. Если пострадавший реагирует на мокроту в бронхах, значит, рефлексы сохранены и он не в коме, но с другой стороны, постоянная одышка и хрипы постепенно выходили на первый план по мере решения проблем с травмами, которые только на первый взгляд производили впечатление ужасных. В основном это ушибы мягких тканей, ссадины, гематомы, и только перелом голени представлялся наиболее серьезным. Да огромный синяк на затылке и темени как бы намекал, что там под слоем кожи, крови и жира могут быть еще разбитые кости черепа и даже внутричерепная травма. О коварстве таких образований Башмин знал не с чужих слов. Эпидуральные гематомы развиваются незаметно, иногда часами, постепенно сжимая изнутри мозг и приводя к его вклинению в отверстие между черепом и первым позвонком, а это уже верная смерть.

Врача этот неизвестный парень уже немного раздражал. В коридоре стояли каталки и кресла с другими травмированными, требующими осмотра, а «*Удава*» никак не удавалось отправить в отделение. Слишком уж много травм было у него. И все требовали исключения более тяжелых, что могли быть скрыты под ушибами.

«История болезни» понемногу обрастала заключениями и данными анализов. Незаполненным пока оставался только «*Осмотр в приемном отделении*».

Травматолог понимал, что без помощи ему быстро не управиться.

Медсестра принесла и поменяла баллоны для капельницы, а Башмин принялся задумчиво изучать снимок черепа на негатоскопе. Рядом был закреплен снимок голени, на столе остались пленки с легкими в двух проекциях. Башмин почесал щетинистый подбородок, решительно направился к телефону и созвонился с Сергеем Герасименко, исполнявшим обязанности заведующего травматологией.

Пока вызванный врач добирался до приемного отделения, Башмин наспех оформил двух пострадавших с бытовыми травмами, не требующими операций. Одного с переломом предплечья отправил на рентген, выслушав упреки рентген-лаборанта, что их «*неизвестный*» обхаркал

весь кабинет, и теперь, пока не уберутся, приема не будет. Травматолог развел руками, но этот жест рентгенологи не увидели. Говорить было нечего. Ну, обхаркал, что теперь? Он больной, ему можно. Вот если б он, Башмин, завалился в рентген-кабинет и сделал то же самое, было б странно.

Вместе, проведя короткий, но продуктивный консилиум, травматологи пришли к выводу, что травмы черепа у «Удава» нет. Более детальное обследование решили пока не проводить, так как безымянного пациента не отправишь на компьютерную томограмму без веских, обоснованных показаний, отделению это влетит в копеечку. С ногой все было ясно, голень перебита ровненько, как топором, но мягкие ткани при этом не рассечены, и, судя по гематоме, удар пришелся во что-то очень твердое, но при этом не острое.

– Как о бордюрный камень, – прикинул Башмин. – Если на угол, на излом, и еще сверху чем-то тяжелым. Но размозжение мягких тканей незначительное, значит, воздействие было коротким, как удар.

Герасименко осторожно ошупал ногу пострадавшего.

– Я такое видел однажды у девицы, – вспомнил он. – Пьяная ехала с кем-то в машине, додумалась высунуть ноги в открытое окно. И что думаешь? О столб на скорости, к счастью, не очень высокой, а то б без ног осталась. Вот у нее точно такой же след был на коже. Линейная гематома на голени, наискосочек. Остальные травмы – это побои, тут все очевидно. В глаза ему прыснули перечным газом, видимо, в драке. Так что происхождение ожога роговицы понятно. Офтальмологу покажем, когда в себя придет и если будут показания. Запиши: «Химический ожог роговицы». Однозначно тут какой-то криминал. Нужно медсестрам дать указание, как в себя придет, чтобы вызвали полицию.

– Хорошо, с этим все ясно. – Башмин снял снимки черепа и ноги с негатоскопа, взамен вставил снимки грудной клетки. – Сергей Семенович, повреждений ребер и легких я не вижу, но рентгенолог уверен, что тут, очевидно, воспаление. Говорит, плотность повышена, будто крупозная пневмония двухсторонняя в стадии разгара. И еще. Вот тут, в синусах, немного выпота. Видите? Экссудативный плеврит? Может, в реанимацию отправим сразу?

– Лучше вызови терапевта, пусть осмотрит и даст свое заключение. Чего нам голову ломать? Он не настолько тяжелый, реаниматологи завернут.

Прибыв по вызову Герасименко, терапевт Татьяна Васильева внимательно выслушала легкие пострадавшего, но тот вдруг закашлялся, не приходя в сознание. На кафельный пол из его рта вылетели розовые брызги.

– Легкое травмировано? – отскочив от неожиданности, спросила Васильева.

– Нет, – хором ответили травматологи и синхронно пожали плечами.

– Ребра целы! Плевра цела. Пневмоторакса нет, – добавил Башмин.

– Ладно, пневмония тут на сто процентов, – уверенно заявила Васильева. – Даже плевропневмония! Я назначаю ему кефзол по грамму два раза в день. Раствор Рингера до двух литров в сутки. Обезболивающие сами дадите, они ему температуру снизят. А вечером его еще раз в отделении осмотрит дежурный терапевт. Да, мальчики, утром пришел приказ МЗ⁶, все пневмонии, особенно если есть подозрение на атипичное течение, отправлять на бактериологию без задержки по cito!⁷ В Москве отловили какую-то дрянь из категории ООИ, ставили ТОРС, и Роспотребнадзор разослал циркуляр настороженности. Я советую этого парня до получения результатов бактериологии мокроты положить в отдельную палату.

⁶ Министерство здравоохранения.

⁷ Срочно (*лат.*) – ставился врачами на рецептах лекарств, требующих приготовления в течение дня. *Stati!* – немедленно, в присутствии заказчика.

– Смеетесь? – Герасименко поморщился. – У нас в коридоре лежат, правда, недолго, день-два. Вот и он пока ляжет в коридоре. Максимум, что можем сделать, так это ширмочкой отгородить.

– Как хотите, мое дело предупредить! Если у него высеется какая-нибудь гадость – вам отвечать!

– Вы реально верите, что приличный парень в новой одежде может оказаться носителем опасной инфекции? – удивился Башмин. – Чего у него высеется? Пневмококки, пневмоцисты? Если он спидонос – то возможно. На ВИЧ кровь взяли. Ждем результатов.

– Мое дело предупредить, – ледяным тоном повторила Васильева, на выходе обернувшись через плечо.

Травматологи переглянулись и хмыкнули.

Через минуту медсестра шпательем собрала с пола мокроту в стерильную баночку, подписала этикетку: «М. примерно 25–30 лет, тр. от. И/Б № 18954. 12.45». Водитель больницы, чертыхаясь, что оторвали от лотка с разогретым обедом, отвез баночку в лабораторию.

Ногу пострадавшего упаковали в гипсовую лангету – на всякий случай, если все-таки найдутся документы и полис, в связи с чем, возможно, будет решено произвести операцию остеосинтеза штифтом. Место перелома отлично подходило для такой операции. Но пока парень неизвестный, нет полиса ОМС, вопрос с операцией по остеосинтезу отложили. Обломки состыковали, мелких осколков не было, кости переломились ровно, будто по линейке. Через два-три месяца уже будет хромать с палочкой, а еще через три хоть с парашютом сможет прыгать.

Около двух часов дня коробочка с образцом мокроты для анализа прибыла в лабораторию, но в руки лаборанта образец попал только к пятнадцати часам. Тот смазал ватным тампоном с мокротой предметные стекла для микроскопического исследования и положил их в окраску по Романовскому и Грамму. Пока таймер считал время, необходимое для качественного прокрашивания, лаборант заложил пробы в бульон, затем нанес питательную среду в чашку Петри. Все это, пометив специальными марками, он заложил в термостат на шесть часов. Это был тот временной минимум, который позволял получить рост колоний микроорганизмов для дальнейшего рассеивания на средах и типирования по серологическим вариантам. Стекла после окраски позволяют выяснить, только какие виды бактерий в мокроте есть вообще. Их там может быть несколько типов: стрептококки, стафилококки, палочки, цисты. А может, и грибы.

Из сушки стекла вышли к шестнадцати часам, но лаборант не спешил. Сходил к кофейному автомату, потом в туалет. Лишь через полчаса он вставил стекло с образцом мокроты под иммерсионный объектив микроскопа, капнул кедрового масла для увеличения светосилы оптики и настроил освещение от светодиодной матрицы. Приложившись глазами к окулярам, он принялся наводить резкость.

Когда мутное изображение наконец сфокусировалось, лаборант отпрянул от микроскопа, поднялся из кресла, снова шагнул к кулеру, чтобы глотнуть воды. От увиденного на предметном стекле во рту внезапно пересохло, а сердце заколотилось в бешеном ритме. Он сам удивился первой мысли, ворвавшейся в разгоряченный эмоциями ум.

«Домой попаду не скоро», – подумал лаборант.

В следующий миг отреагировал кишечник, и лаборант на собственном примере ощутил, что означает фраза «обгадиться от страха». Не без труда он заставил себя вернуться к микроскопу и снова прильнуть к окулярам. В круге изображения, отливающим желтизной из-за масла под иммерсионным объективом, он отчетливо разглядел заостренные по краям веретенообразные объекты с более темными кончиками и узким светлым пятнышком в центре. Чем-то эти бактерии напоминали кошачьи глаза с белым зрачком. Но лаборант прекрасно осознавал, что этими глазами на него смотрит сама смерть. Эта картинка раньше ему встречалась только в учебнике.

Лихорадочно меняя стекла с мазками, лаборант среди синих эритроцитов и лейкоцитов видел массы страшных палочек, и казалось, что в каждом новом стекле их становится все больше и больше, но такого просто не может быть.

Откуда она взялась тут?

Даже мысленно было трудно произнести слово, означающее болезнь, вызываемую этими микроорганизмами. Но лаборант вспомнил, что утром из Москвы пришло письмо о выявленном очаге завезенной атипичной лихорадки. Точного диагноза и возбудителя указано не было, только аббревиатура ТОРС⁸ указывала, что болезнь относится по категории к классу болезней органов дыхания. А к нему четкое предписание о необходимости внимательно относиться ко всем случаям пневмонии.

Лаборант бросился к столу и посмотрел направление на лабораторное исследование, сопровождавшее образец мокроты. Диагнозом числилась двусторонняя пневмония.

Лаборанта от этой записи прошибло холодным потом. Он ледяной струйкой стек между лопатками и неприятной испариной выступил на лбу.

«Вот это пипец...» – подумал он.

Его судьба на ближайший месяц прорисовалась для него во всех ужасающих подробностях. Скорее всего, процентов на девяносто его ждала смерть. Смириться с этим было сложно, но и в панику впасть смысла было еще меньше.

«Может, и выживу... – Лаборант попытался себя успокоить. – Но жену и детей надо срочно убрать из города. В любом случае им тут теперь не место».

Он поколебался несколько секунд, поглядывая на стационарный телефон. В принципе, то, что он собирался сделать, делать было нельзя. Категорически. Нужно не жене звонить, а поднимать трубку стационарного телефона и докладывать о чрезвычайной ситуации. Но родственные чувства пересилили. Лаборант достал мобильник и набрал номер жены из контактов.

– Валя! – произнес он, едва произошло соединение. – Замолчи и слушай. Я ничего не буду объяснять. Сейчас ты приедешь домой, соберешь детей, и вы уедете к моим старикам в деревню. Срочно! Не спорь! Прямо сейчас, даже если тебя уволят за это. Собралась и вышла. Ясно? Да, делай, как я сказал, и молчи! Не до причитаний! Как-как? Хорошо! Ладно, отпуск возьми! За свой счет! Хоть на три дня! Только быстро. Чем быстрее, тем лучше. Да по херу! Не заставляй меня ругаться. Уезжайте! Я ничего не могу объяснить! Ты знаешь, где я работаю. Знаешь? Повтори, где я работаю? Вот. Осознала? Молодец. А теперь срочно валите из города. Просто сделай, как я сказал.

Он нажал кнопку отбоя, вытер со лба пот и выпил еще стакан воды. Снова бросил взгляд на стационарный телефон, но задумался. Нужно дать фору жене с детьми. Полчаса она будет чухаться, баба есть баба. Еще полчаса ей понадобится, чтобы выбраться за черту города. Если позвонить сейчас, то тревогу объявят примерно через час, а еще через полчаса силами полиции, МЧС, а может, и армии полностью блокируют город. Хорошо. В принципе, она успевает. Но, на всякий случай, лаборант решил дать им еще минут десять.

Он сходил в туалет, уселся на унитаз и пожалел, что обещал жене бросить курить. Хотелось затянуться дымом. До одури. До дрожи в пальцах. Но сигарет при себе не было, да и негоже было нарушать данное слово.

«Все! – решительно подумал лаборант. – Больше тянуть нельзя».

Он вернулся в кабинет, снял телефонную трубку и набрал внутренний номер заведующего.

– Георгий Шарифович, хорошо, что вы не ушли, – произнес он. – Зайдите, пожалуйста, в мою лабораторию.

⁸ Тяжелый острый респираторный синдром – обобщенное указание на возможную легочную форму особо опасных инфекций: чумы, сибирской язвы, бруцеллеза, туляремии.

– Субординацию забыли? – пробасил Георгий Шарифович.

– Форс-мажор у меня. Точнее, у нас. Так что давайте пока отложим субординацию, правда. В городе очаг по форме А20.

В трубке тут же раздался грохот пластика и частые гудки. Похоже, Георгий Шарифович не просто бросил трубку, а она выпала из его рук, а сам он помчался в лабораторию.

Через три минуты заведующий распахнул дверь и перескочил через порог.

– Вы уверены?! – спросил Георгий Шарифович у лаборанта, пытаясь совладать со сбившимся дыханием. – Уверены в том, что сообщили мне по телефону?

– Вот стекла. Смотрите. – Лаборант кивком указал на микроскоп.

– Откуда доставили образец?

– Из больницы «Скорой помощи», травматология.

– Господи? Да при чем тут травма?

– Вот направление. Видите? Отделение травматологии, диагноз двухсторонняя пневмония. Материал – мокрота. В мокроте сами увидите...

– Что я увижу? – Георгий Шарифович наклонился к микроскопу. – Не перекрашивали? Может, на других стеклах выглядит иначе?

– Везде одинаково. На перекрашивание уйдет еще час. Пять стекол, и везде как на ксерксе. Причем, судя по количеству эритроцитов и бактерий, это уже «малиновый мусс». Макрофаги набиты ими, как гранаты зернами. Детрит в лизосомах есть, но это разгар воспаления. Если верить руководству Евдокимовой из НИИ, то это пик воспаления.

– Хочешь, чтоб я произнес? – Георгий Шарифович оторвал взгляд от окуляров микроскопа и разогнулся.

– Давайте вызовем еще кого-нибудь. Я ведь с этой бактерией дела не имел. Теоретически только. Лекции, семинары, учения по нашей линии и МЧС. Может, это и не она?

– Чертовски похожа. – Георгий Шарифович пустил струйку воды из кулера, набрал в ладошку и умыл скуластое лицо. Затем покосился на лаборанта и добавил: – Может, сперва удостоверимся на электронном микроскопе?

– Как скажете. – Лаборант достал из шкафчика коробочку с материалом и уложил ее в герметичный пакет. – Вот материал. Но подумайте. Я помню, что при малейшем подозрении, даже по клинике, сначала поднимается тревога, а потом ищется подтверждение. Вас ведь никто не накажет, если мы сообщим о выявлении возбудителя в материале.

– Не накажет, – согласился Георгий Шарифович.

Он посмотрел на пакет таким же взглядом, каким бы окинул водородную бомбу на боевом взводе с работающим часовым механизмом.

– А вот если мы переосторожничаем, ваша голова слетит первой, – закончил мысль лаборант. – Уж простите за откровенность.

– Электронную микроскопию в любом случае надо делать. И антигенное типирование. Сейчас или позже, все равно надо точно выяснить, к какому серовару относить эту дрянь.

– Вы полагаете, что это может оказаться обычным иерсиниозом? – Лаборант усмехнулся. – Тех-то я очень хорошо знаю. Тоже не киски, но «зрачка» нет.

– Ладно, время работает против нас. Когда взяли материал?

Лаборант разгладил полиэтилен на баночке, чтобы лучше было видно направление.

– Двенадцать сорок пять, – ответил он.

– А сейчас семнадцать тридцать три. Прошло пять часов без малого. Два отделения, «Скорая помощь», можно сказать, в числе контактных. Это только навскидку, а если по инструкции, то весь корпус закроется. Бригада «Скорой» инфицирована на сто процентов. Ладно, пиши заключение по микроскопии, рапорт на мое имя, руководству я позвоню сам. И вот что еще. Это помещение пойдет под мойку. Ты попадаешь в категорию контактных. Как все чашки и среды уложишь в термостат, поедешь в карантин. Понял? Семье сказал?

Лаборант промолчал, но заведующий по глазам понял, что это его подчиненный сделал первым делом. Нарушение инструкции, разумеется. Но стоит ли его за это винить?

«Звонить своим? – подумал Георгий Шарифович. – Город ведь закроют».

Он ощутил, как голова вдруг наполнилась звоном, а в глазах замелькали звезды. Левая рука онемела, за ней словно исчезла вся левая половина тела. Он, не находя опоры в левой ноге, начал заваливаться и рухнул посреди лаборатории. Уголок рта безвольно опустился. Георгий Шарифович захрипел на полу, нелепо размахивая правой рукой.

Лаборант все понял. Налицо имелись все признаки инсульта. Пришлось вызвать «Скорую», и только после того, как начальника увезли, лаборант толкнул дверь в кабинет Георгия Шарифовича.

Переступив порог, он подумал немного, затем решительно снял трубку «красного телефона», служившего для прямой связи с главой областного Роспотребнадзора.

– Людмила Сергеевна? – не представившись, произнес он. – У нас два ЧП. Во-первых, Георгий Шарифовича хватил инсульт, и я отправил его на «Скорой». Во-вторых...

Он сделал паузу, собираясь с духом.

– Что такое? – раздался в трубке взволнованный женский голос.

Лаборант закрыл глаза, словно собираясь шагнуть в бездну, и доложил:

– На основании микроскопического анализа материала легочной мокроты, доставленной из больницы «Скорой помощи», у нас очаг по форме А20.2. Пока только по стеклам, серию на средах надо переделывать в условиях лаборатории особо опасных инфекций. Георгий Шарифович в курсе, собственно, я выполняю его распоряжение.

Лаборант хотел назвать свое имя и должность, но услышал в трубке частые гудки.

– Вот и все. Машинку запустил – пробормотал он себе под нос. – Главное, чтобы семья успела уехать в деревню.

Он набрал номер жены, но, едва услышав ее голос, понял, что она осталась на работе, а не едет в электричке с детьми.

– Не уехали? – спросил он.

– Ты что, серьезно? – Интонация была сварливая и скандальная. – То есть я должна все бросить?

– Нет, ты уже ничего не должна. Город закроют самое позднее через полчаса. Через час максимум. На въезд и на выезд. Меня не жди. Сидите дома, на улицу не выходи и детей не выпускай.

– Что ты несешь? Ты выпил, что ли?

– У нас в городе очаг чумы. – Он наконец выдавил из себя слово, которое никто пока так и не мог произнести. – Легочная форма. Передается воздушно-капельным путем при любом контакте. Смертность у нее почти сто процентов. Девяносто девять с гарантией. Это если не лечить. А если лечить, то девяносто пять. То есть если из вас кто-то заболевает, то уже не выживет, скорее всего, никто. Так тебе ясно?

– Ты что, не мог это прямо сказать? – В голосе жены послышались истерические нотки.

– Не мог, – устало ответил лаборант. – Иногда надо просто делать, что тебе говорят. Впрочем, наверное, теперь уже все равно.

Он полностью выключил мобильник, понимая, что жена теперь не устанет названивать, облокотился спиной о стену и снова закрыл глаза. В ушах гулко отдавались удары пульса.

Запущенная им машина действительно не только тронулась с места, но и начала набирать обороты. В городе, один за другим, в разных местах начали звонить телефоны, разнося тревожную весть. Страшное слово, которое пока осмелился произнести лишь лаборант в разговоре с женой, не звучало напрямую, все, кого это касалось, знали буквенно-цифровой код «А20.2», означавший легочную форму чумы.

Людмила Сергеевна Шиловская, возглавлявшая областной Роспотребнадзор, была, как про нее говорили, «тертым калачом». Чиновник со стажем. Врач-эпидемиолог еще с советских годов, когда молоденькая Людочка Шиловская после ординатуры организовывала карантин по ящуру и бруцеллезу в Воронежской области. Диссертаций не защитила, но получила «высшую категорию» и «Заслуженного врача России». С особо опасными инфекциями дело имела, и не на бумаге, а в поле. И город закрывать ей было не впервой. Хуже было, что случай, как ни крути, выпал особый и пришелся на самое жаркое время лета. Кроме того, пугала и крайне высокая смертность, и легкая передача при контакте. С одной стороны, это требовало решительных действий, с другой – нельзя было допустить панику.

Главное, что следовало выяснить, откуда в Воронеже появился больной, где и как он заразился? Людмила Сергеевна перелистала подшитые листы ксерокопии истории болезни, подзолотую карту «Скорой», рапорт полиции с места обнаружения и протоколы опроса свидетеля. Заключение эксперта и лаборанта. Информация о больном нулевая. Фотография, сделанная цифровым фотоаппаратом, опись вещей, его состояние, избитое лицо, отсутствие документов крайне осложняли ситуацию, делая невозможным установление личности. Отпечатки пальцев сняли, но в базе их нет, значит, никогда ни к чему не привлекался. Никаких зацепок. Полный ноль.

Сидя в своем кабинете, пока еще в одиночестве, Людмила Сергеевна взвешивала различные варианты дальнейших действий. Она уже отзвонилась всем, кому посчитала нужным, подняла на ноги полицейское руководство и руководство МЧС, отдала распоряжения по возможным местам заражения, в «Скорой помощи» и в больнице, куда был доставлен больной. Уже без ее участия ответственные должностные лица собирали штаб при отделении Роспотребнадзора, но для него она выделила другое, более просторное, чем кабинет, помещение. Доложила она о ЧП и руководству Роспотребнадзора, даже метку себе поставила в ежедневнике: «*Должено о А20.2 в 18.07*».

И все же, несмотря на все, вроде бы выполненное, сохранялось ощущение, что чего-то не хватает. Что-то забыли. Или коварная болезнь чем-то перехитрила, опередила, и никак не удавалось понять, где и в чем. Из-за этого Людмила Сергеевна ощущала нечто, очень похожее на медленно заползающий в сознание ужас. Она старалась подавить это чувство, сосредоточиться на решении текущих задач, но удавалось это с огромным трудом. В отличие от большинства обывателей она, как специалист и чиновник на ответственном посту, прекрасно понимала, чем может грозить городу любой неконтролируемый очаг чумы. А есть ли он или нет, никто не знает. Кроме того, томило ожидание сообщения о новых вспышках там или тут... Людмила Сергеевна заперла дверь, раскрыла окна и, в нарушение собственного приказа по городу, закурила, скрываясь от случайных свидетелей за занавеской. Руки дрожали.

За окном тревожно прозвучала сирена «Скорой».

«Вот так живешь, делаешь свою работу, а потом все в одну минуту переворачивается, – подумала Людмила Сергеевна. – И та земля, которая все твои сорок лет честно держала тебя, вдруг проваливается под ногами, и ты летишь, как во сне, в бездонную пропасть. А уцепиться не за что, потому что никто, кроме тебя, еще не оказывался в такой ситуации. И надо что-то решать. И не просто решать, а в узком пространстве между «еще нельзя» и «уже нельзя». И то, на что ты раньше просто не обращала внимания, уплотняется до сокрушительной плотности, а то, что казалось незыблемым и важным, превращается в прах».

Она понимала, что ей теперь придется удерживать равновесие, что называется, на лезвии бритвы, чтобы и не прошляпить ничего, и не впасть в перестраховку, которая порой может навредить больше, чем недосмотр.

С одной стороны, сам факт нахождения опасной бактерии в пробе мокроты надо еще подтвердить. Изображение в окуляре оптического микроскопа может напугать лаборанта и даже привести к инсульту заведующего, но это нельзя принимать как безоговорочную доказатель-

ную базу. Надо еще десять раз перепроверить и убедиться, с чем конкретно придется иметь дело. Электронная микроскопия и исследование на мышках расставят точки над «i». Но на это нужно время. Если отсечь все, чего мы не знаем, то времени у нас много. По поликлиникам и больницам разъехались врачи с докладами. Заместитель Людмилы Сергеевны поехал на городское радио и в телецентр, там записал объявление для жителей города. Мол, не паникуйте, граждане, дело привычное, инфекция не впервой встречается, поборем. Только вот не болтайте без дела по городу, и если температурка поднимется, кашель появится, не тащите на работу или в гости, а вызовите врача из поликлиники или в «Скорую» позвоните.

С другой стороны, если сейчас недожать, дескать, еще ничего не ясно, не будем делать резких движений, то это может закончиться не отдельными очажками, а частичным или почти полным вымиранием города. Без всяких преувеличений. В общем, осторожничать тоже нельзя. К тому же имелось несколько фактов, с которыми тоже приходилось считаться. Во-первых, в микроскоп смотрел не только лаборант. В него смотрел и заведующий лабораторией. И увидел там такое, от чего его тут же хватил инсульт. Факт косвенный, но Людмила Сергеевна не привыкла такие вещи скидывать со счетов. Во-вторых, десять минут назад она звонила в Москву, в Главное управление Роспотребнадзора. Говорила с Думченко, и тот подтвердил, что означенная в циркулярах «атипичная пневмония» на самом деле не что иное, как А20.2⁹, то есть легочная форма чумы. Думченко также сообщил, что первичный источник нашли, вычислили всю цепочку контактных и заболевших, в общей сложности госпитализировали около трехсот человек. И добавил, что утечек быть не должно, мол, ищите у себя. Но голос Думченко дрогнул. И Людмила Сергеевна поняла, что нет стопроцентной уверенности. Слишком много людей. Исключить утечку невозможно. Чума в Москве и чума в Воронеже, скорее всего, – это не отдельные вспышки, а звенья одной цепи. Но что, если нет? Вдруг один заразный поехал в Москву, а другой в Воронеж? Случайность? Запросить подробный материал по вспышке в Москве? Не дадут, там все засекречено.

Таких случайностей не бывает, это понятно. Поэтому Людмила Сергеевна для себя решила, что дополнительные исследования, в создавшейся ситуации, не более чем формальность. На девяносто процентов в городе очаг чумы, да еще в легочной форме. Да еще с безымянным и бессловесным больным, от которого невозможно пока ничего узнать, а может, и не получится никогда узнать.

Мысль шла по кругу. Неизвестный в травматологии... Местный или приезжий? Фото с разбитым лицом ничего не даст. Сам он говорить не может. Полиция пока ничего не сообщила.

И все же придется принять одну версию, принять ее как рабочую, иначе действовать вообще будет сложно. Скорее всего «Удав», как обозначено на титульном листе истории болезни, доставил чуму из того же источника, который вызвал очаг в Москве. Ведь даже один источник так далеко от природных очагов можно назвать невероятной, роковой случайностью. Два разных уже находились бы за пределами научно обоснованной теории вероятностей. Это значит, что часть зараженных от одного источника осталась в Москве, и все они локализованы, по словам Думченко. Другая часть как-то попала в Воронеж, ввязалась в драку, и один из них попал в «Скорую».

«Нет, так быть не может, – подумала Людмила Сергеевна. – В такой стадии все, кто заразился одновременно, будут пребывать в одинаково тяжелом состоянии. То есть в коме».

Это означало, что либо заболевший один, либо где-то лежат в коме еще несколько человек. Необходимо было дать распоряжения полиции, «Скорой», чтобы чутко реагировали на любой подобный сигнал, но Людмила Сергеевна не успела это сделать. Зазвонил телефон прямой связи с Москвой.

– Да! – ответила он, подняв трубку. – Остап Тарасович? Слушаю.

⁹ Эти события описаны в романе «Не время умирать».

– Очевидно, у нас с вами один источник заражения, – сообщил Думченко.

– Да, я как раз об этом думала. Два разных – это было бы чересчур.

– Судя по вашему докладу, обнаруженный больной находится в тяжелой стадии. Это значит, что заразился он, скорее всего, или в самолете, когда вместе с первичным летел из Оренбурга в Москву, либо в аэропорту «Домодедово», опять же от первичного. Иначе по времени не сходится. Судя по состоянию, он один из ранних заболевших.

– Да, согласна. Но что из этого следует?

– То, что он в очень заразном состоянии как-то добрался от Москвы до Воронежа. И я боюсь даже представить, сколько он оставил после себя контактных и зараженных. Очень важно выяснить его маршрут и контакты! – Думченко сделал паузу, то ли думал, то ли кому-то что-то говорил. – Да! Сейчас жизненно необходимо выяснить весь этот след и локализовать всех контактных. В Москве нам удалось это сделать, хотя не без труда, меньше чем за сутки. И ключевую роль в этом сыграла Наталья Евдокимова, главный специалист по чуме. Нам даже ФСБ пришлось привлекать.

– У нас город поменьше, – нахмурившись, ответила Людмила Сергеевна. – Мы уже закрылись на въезд и выезд. Воронеж проще закрыть, чем Москву.

Она поняла, к чему клонит Думченко. Впрочем, стоит ли отказываться от помощи? Вряд ли. Не та ситуация.

– Хотя я понимаю, о чем вы, – призналась она. – И если вы хотите предложить мне серьезного специалиста, я не буду делать вид, что мне не нужна помощь. Нужна. Только я не знаю, чем тут может помочь специалист по чуме. Нам бы сюда Шерлока Холмса, прямо из книжки.

– Никаких зацепок в установлении личности?

– Пока никаких, – со вздохом ответила Людмила Сергеевна.

– Удивитесь, но замену Шерлоку Холмсу я тоже могу предложить.

– Шутите?

– Нет. Выявить всех контактных с первичным больным нам помог Олег Иванович Пичугин. Аналитик из ФСБ. Голова у него, скажу я вам, дом советов. У нас тут была своя теория поначалу о первичном зараженном, так они с Натальей Евдокимовой, на пару, перевернули ее с ног на голову, и именно это предотвратило большую беду в Москве.

– Звучит сильно, но не очень обнадеживающе.

– Отчего так? – В голосе Думченко послышалась едва заметная ирония.

– Зацепок нет, Остап Тарасович, – повторила Людмила Сергеевна. – Вообще никаких. Физиономия у парня разбита так, что по фото не опознать. Если он наш, воронежский, вернулся, к примеру, из Москвы в родной город и привез заразу, был бы шанс опознать его по фото на формуляре в паспортном. А так – пальцем в небо. Это раз. Никто о его пропаже не заявлял. Это два. Документов при нем никаких. Вообще. Это три. Даже личных вещей нет, кроме блистера с бисептолом и разбитого смартфона. Его полицейские обещали реанимировать, может, есть какие-то в нем контакты. Но пока нет результатов. Понимаете? Сам парень в коме, показаний никаких дать не в состоянии. За что тут можно зацепиться? Тут даже Шерлок Холмс ничего бы не смог сделать. Он в своей дедукции опирался на факты. А тут фактов ноль.

– И что думаете делать?

– В первую очередь закрыли город. Слово «чума» говорить не будем, но и легендой насчет учений, как вы обошлись, мы тут ограничиться не сможем. Это вы сомневались, дескать, оно не оно. Но раз у вас оказалось оно, то и у нас оно. За рабочую берем версию, что кто-то от вас ускользнул и приехал к нам. Вы можете нам точно сказать, что из природного источника выехали не двое?

– Да, тут грех не согласиться. Нам удалось выяснить про одного. Один прилетел из Оренбурга в «Домодедово». Двоих не было.

– Уже легче, получается, что нам просто придется объявлять эпидситуацию. Если мы станем невнятно мямлить про учения, половина народа просто пошлет нас подальше и разбежится по деревням и дачам. Ищи их, свищи.

– Согласен. С моей стороны, однозначно «добро». В данном случае перестраховкой тут и не пахнет. Но Евдокимову с Пичугиным я к вам все же пришло. Тут есть еще один аспект, о котором пока никто особо не знает.

– Плохое? – насторожилась Людмила Сергеевна.

– Нет, хорошее. Разработка НИИ Чумы. У Натальи Викторовны есть методика лечения, которая способна снизить смертность с девяносто пяти процентов до пятидесяти в самых трудных, запущенных случаях. Методика пока на стадии эксперимента, но промежуточные результаты очень обнадеживающие.

– Шутите?

– Нисколько. И автор этой методики Наталья Евдокимова.

– Тогда вообще вопросов нет. Когда они будут?

– Часа через полтора. Мы их скорыми темпами доставляем на военную авиабазу «Астафьево» под Москвой, оттуда военным бортом к вам. Так что, как говорят, прошу любить и не жаловаться.

– Спасибо.

Людмила Сергеевна положила трубку, затем, уже по мобильному, связалась с начальником городского УВД и попросила подготовить кортеж для встречи «московских гостей с особыми полномочиями».

Глава 3

В которой генерал Кочергин встречает эмиссаров из Москвы, а Наталья напоминает о том, что такое чума, показывая штабу РПН старинные гравюры

Военно-транспортный Ан-26 с ревом вырулил по бетонной полосе, оставляя после себя запах перегоревшего керосина. Пилоты выключили турбины, и они затихли с понижающимся воем. Воздушные винты вращались все медленнее и наконец замерли.

В таких самолетах для пассажиров никакие удобства не предусматривались, кроме длинных жестких лавок вдоль борта, предназначенных для размещения личного состава. Впрочем, и пассажиров было всего двое. Седовласый мужчина лет пятидесяти на вид, облаченный в строгий черный костюм, несмотря на жару, и женщина, возраст которой определить было не так-то просто. На ее лице и шее не было ни единой морщинки, фигура выглядела молодой и подтянутой, даже спортивной, но во взгляде на круглом чуть осунувшемся лице читался опыт руководителя, железная воля и внутренняя дисциплина. Несмотря на такое несоответствие, женщина выглядела вполне гармонично. Росту в ней было чуть больше ста пятидесяти сантиметров, а весила она, на вид, килограммов сорок – сорок пять. На ней красовался легкий серый брючный костюм, а ее короткие каштановые волосы были уложены в предельно простую, но весьма аккуратную прическу, вызывавшую ассоциации с плотно сидящей на голове шапочкой для плавания. На коленях женщина держала серебристый алюминиевый кейс.

– Как ты? – заботливо спросил мужчина у спутницы.

– Уже лучше.

– Хорошо, что Головин вернул перед отлетом пакет с твоим недоеденным запасом. Я, конечно, слышал термин «голодный обморок», но чтобы у человека при мне щеки ввалились и он едва не упал кверху лапками, это уж совсем.

– Надо будет еще купить, – пробурчала женщина. – Именно спортивного питания. Там отличный баланс углеводов, белков и минералов.

По бетонке к самолету подкатил «УАЗ Патриот» с полицейской раскраской и проблесковыми маяками на крыше. Из него вышел солидный мужчина, одетый в гражданское, а водитель остался за рулем. Авиационные техники выкатили из капонира алюминиевый трап и установили его у открывшегося люка.

Завидев пассажиров, мужчина в гражданском поспешил встретить их у трапа.

– Генерал полиции Кочергин Станислав Аркадьевич, – представился он, когда прибывшие сошли на бетонку. – А вы, насколько понимаю, эмиссары из Москвы?

– Эмиссары – звучит слишком громко. – Женщина улыбнулась, но ее улыбка выдала некоторую усталость. – Меня зовут Наталья Викторовна Евдокимова. Я от РПН. А это Олег Иванович Пичугин.

– Ну, на его счет мне уже доложили с самого верхнего верха. – Генерал Кочергин ткнул пальцем в безоблачное небо и усмехнулся. – Рассказали вкратце о ваших подвигах в Москве. Неужели действительно удалось предотвратить? Ее самую?

Пичугин жестом намекнул, что не стоит продолжать.

– Давайте условимся, товарищ генерал, пока, без крайней необходимости, слово «чума» не произносить, – попросил он. – Но да. Удалось. Силами Натальи Викторовны в основном. Моя роль там была весьма рутинной.

– У меня о вас менее скромная информация. И не от моего начальства, а прямым из ФСБ, – ответил Кочергин. – Так что велено оказывать вам всяческое содействие и непременно вас, Олег Иванович, завезти в местное управление безопасности для передачи необходимых полномочий по их линии.

Наталья без стеснения потянулась, разминая мышцы, затекшие за время полуторачасового перелета.

– Пробежаться бы пару километров, – серьезно прикинула она. – Но ведь вспотею, как лошадь. А когда доберусь до душа, пока не ясно. Так... Насчет слова «чума». Тут не так все однозначно. Дело в том, что в Москве нам сильно сопутствовала удача и было достаточно рассеянной информации для предотвращения масштабной чумной эпидемии. У вас, как сообщил мне Думченко, ситуация совершенно иная. Информации почти никакой.

Генерал жестом пригласил гостей в «УАЗ». Наталья с Пичугиным разместились на заднем сиденье, а Кочергин устроился рядом с водителем и развернулся на сиденье к пассажирам.

– Вы правы, у нас тут пока состояние полной неизвестности, – признался Кочергин. – Зацепиться не за что.

Машина тронулась с места.

– Запись с камер просматривали? – спросила Наталья.

– Их у нас не так уж много, – со вздохом ответил Кочергин. Да и что просматривать? Знали бы, что искать, давно бы искали.

Пичугин вмешался в разговор:

– Я слышал, что на больном была довольно приметная футболка, ну и другие приметы, простите за тавтологию. Вы выяснили, вообще такая футболка была в продаже на ваших рынках? Парень может быть местным? Вообще опросы дворников, таксистов, людей в близлежащих дворах проводились?

– Это наши люди сделали сразу, как только подняли тревогу по чу... Ну, по нашей инфекции. Отчеты присылают мне, зам мой сортирует, но раз не позвонил, значит, ничего нет пока.

– Тревогу подняли в шесть? – уточнила Наталья.

– Так точно...

– И если не точно, тоже так... – подколола Евдокимова генерала.

– Не понял, простите, – удивился Кочергин.

– Ничего. Шучу. Сейчас восемь семнадцать. – Она посмотрела на сгущающиеся сумерки за тонированными стеклами. – Значит, сбор и обработка информации идут два часа. Давайте обойдемся без общих обтекаемых фраз. Что конкретно удалось узнать? Камеры с автовокзала, с железнодорожного вокзала, из торговых центров обработали? Попадал в поле зрения молодой человек в похожей одежде?

Кочергин крикнул досадливо. Наталья поняла, что этого еще не сделали.

Она хотела съязвить, но сдержалась, а в груди уже закипало. Пичугин почувствовал ее раздражение и положил руку на руку спутницы. Полицейский не без удивления отметил, что этого банального жеста оказалось достаточно, чтобы успокоить женщину. Она задумалась, затем продолжила намного спокойнее, но с такой интонацией, словно читала лекцию не очень понятливым студентам:

– Станислав Аркадьевич, вы изначально приняли версию, что он не местный. Я это понимаю и не буду спорить. Хотя бы потому, что эта версия и меня устраивает. Но вы должны были обоснованно доказать, что он не местный, полностью исключить другую линию, что дало бы нам возможность без оглядки опираться на версию о приезде и выяснять путь его проникновения в город. Вместо этого вы приняли догмат «нет информации».

Кочергин развел руками, мол, кто из нас не без греха.

– Я не могла такой сбор информации провести во время событий в Москве, но тут, в Воронеже, условия позволяют. Значит, и действовать здесь придется иначе. Понимаете, нам в Москве важно было не дать истинной информации дойти до сознания обывателя. Иначе бы все бросились из города, включая пассажиров зараженного авиарейса. Как их потом отлавливать? Поэтому руководство штаба при РПН Москвы приняло решение слово «чума» не произносить, журналистам выдавать диагноз атипичная пневмония, а вместо эпидемической ситуации объ-

явить режим масштабных учений. Практика показала, что это оправданно. Но то Москва. Ее, как Воронеж, не закрыть!

– Да, у нас население от эпидемической ситуации в панику не впадет, – подтвердил Кочергин. – Были случаи, когда по ветеринарным соображениям приходилось закрывать город. Люди с пониманием относятся.

– С пониманием? Возможно. Но я думаю, что если сейчас дать должностным лицам расслабиться, беды не миновать, – спокойно заявила Наталья.

– Так вы приехали, чтобы мы не расслаблялись? – с едва заметной иронией уточнил Кочергин.

– Мы приехали вам помочь сделать то, что удалось нам в Москве, – ледяным тоном ответила женщина. – И подтолкнуть, если начнете тормозить. Речь ведь не о креслах и не о портфелях, а о жизнях людей. Возможно, об очень многих жизнях. Мне очень хорошо известен подход чиновников. Они предпочитают решать вопросы по мере их поступления. Чума такого нам не позволит и очень дорого спросит. Сотнями, если не тысячами жизней!

Евдокимова открыла кейс и достала несколько цветных фотографий, на которых Пичугин увидел труп умершего от легочной чумы казаха. Она протянула фото Кочергину.

– Вот такие трупы будете собирать по квартирам! – сообщила.

Генерал посмотрел на фото, побледнел, но ничего не ответил. Но Наталья про себя отметила, что ее продуманная атака на воображение генерала прошла успешно. Иногда должностным лицам не хватает именно этой малости – воображения.

«УАЗ» через КПП выехал за пределы военного аэродрома и направился по дороге в сторону Воронежа.

– Вас, Наталья Викторовна, мне велели доставить в местное отделение Роспотребнадзора, а вас, Олег Иванович, в местное управление ФСБ. РПН по пути, высадим Наталью Викторовну и поедем дальше. Ну а там уже по обстановке и обстоятельствам.

– Город точно закрыли? – напрямую спросила Наталья.

– Ну... – Кочергин замаялся. – Пока неофициально, да. Людмила Сергеевна, наш руководитель РПН, по совету вашего Думченко, пока тоже объявила вроде как учения.

– И каков результат?

– В смысле?

– Как люди работают в этом режиме?

– Я как бы не задавался этим вопросом. Никто в таком виде его передо мной не ставил. Если вы ставите, то я отвечаю, что пока у меня нет данных. Впрочем, я понимаю, что вы хотели узнать, Наталья Викторовна, понимаю. Вы хотите узнать, насколько серьезно воспринимают ситуацию те или иные должностные лица. Так?

– Да. – Наталья кивнула.

– За всех я сказать не могу, но полиция настроена очень серьезно. Им же неважна причина, понимаете? Сказано перекрыть въезды в город и выезды из него, они стоят и перекрывают. У нас с этим просто. Приказ, и все.

– Я так понимаю, что вы намекаете на структуры, где приказ не значит так много? – уточнил Пичугин.

– Ни на что я не намекаю, – Кочергин поморщился. – Но за своих ребят я ручаюсь, на силы МЧС тоже можно положиться. За остальных сказать ничего не могу.

– К счастью, на данном этапе много зависит именно от ваших ребят, – произнесла Наталья. – И от сил МЧС. Которые выполняют приказы и вопросов не задают.

Пичугин не без удивления покосился на Наталью. Прошлой ночью она иронизировала по поводу полицейского, ответившего ей «не могу знать» на въезде в больничный корпус. Мол, солдафоны бездумные, не могут даже по-человечески разговаривать. Но тут, похоже, серьез-

ность ситуации заставила ее несколько иначе взглянуть на такое положение дел и увидеть в воинской дисциплине не замеченные ранее достоинства.

«Чем серьезнее ситуация, тем меньше приходится полагаться на эмоции и больше на простые, почти рефлекторные, мотивации», – подумал Пичугин.

Он заподозрил, в каком направлении мыслит сейчас спутница и почему цепочка этих размышлений началась с обсуждения возможности или невозможности произнесения слова «чума».

– Посмотрите документы. – Кочергин передал через плечо прозрачную папку с бумагами. – Это отчеты от «Скорой» и копия из истории болезни – со слов сотрудников бригады, при осмотре в больнице. Людмила Сергеевна просила передать.

Наталья взяла бумаги, прочла несколько листов. Нахмурилась.

– Что там? – спросил Пичугин.

– Ничего хорошего. – Она передала часть бумаг. – Отчет бригады я видела, Думченко перебрал на смартфон электронной почтой. Там фигурирует версия, что потерпевший был избит. Драка? Это по вашей части, Станислав Аркадьевич.

– По моей. Но толку мало. Зацепиться не за что. Кто бил, за что били... Ни личность не установить... Вообще ничего. Скверно. Опера прошлись по всем ночным клубам, камеры во дворах посмотрели, хотя у нас их не больше десятка. Нигде ничего.

Возле здания Роспотребнадзора водитель остановил машину.

– Прибыли, – сообщил Кочергин. – Вам, Наталья Викторовна, выходить, а нам чуть дальше. На вахте вас ждут. Удостоверение при вас?

– Разумеется, – ответила женщина.

Она была одета в гражданский костюм, потому что не успела привести в порядок бордовый мундир офицера РПН, когда срочно вылетела из Москвы. Впрочем, форменную одежду она вообще не особо любила.

Пичугин открыл дверцу и выбрался из машины, пропуская Наталью с кейсом.

– На пару слов отойдем, – шепнул он ей.

Они удалились от машины метров на десять в сторону лестницы, ведущей к главному входу.

– Ты решила не скрывать больше слово «чума»?

– Не знаю. Не решила еще, а что?

– Мне бы хотелось придерживаться с тобой общей политики.

– Вспомни ночное совещание штаба РПН в Москве после пресс-конференции. Чем закончилось?

– Все, кроме нас, разъехались по домам.

– Верно. А что было бы, если бы и мы с тобой так расслабились?

– Все пассажиры рейса из Оренбурга стали бы источниками заразы и разнесли бы ее по всей Москве и России.

– Верно. Представляешь, сколько людей пришлось бы буквально отлавливать и насильно перемещать в эпидемиологические лагеря, спешно развернутые за городом? А сколько бы неизбежно погибли при имеющемся проценте смертности? Те, кого не успели бы найти?

– Твою роль в спасении города я вообще считаю ключевой, – признался Пичугин.

– Дело не в этом, а в том, что и Думченко как руководитель РПН, а с ним и Пивник как заместитель главного врача московской «Скорой» по эпидемиологии прекрасно знали, с чем мы столкнулись. Уже были результаты анализов таксиста Ширяева, и не было сомнений, что это именно чума в легочной форме. Это для журналистов мы придумали обтекаемую фразу «атипичная пневмония». Но даже в такой ситуации люди позволили себе спокойно поехать домой, удовлетворившись такой версией событий, которая позволяла им особо не напрягаться. Придумав обман для других, руководство штаба подсознательно само поверило в эту обтека-

емость. Подсознательно, понимаешь? Если они там решили идти по следу болезни, закрывая очаги по мере их возникновения, то и тут будет то же самое. А знаешь, как та же ситуация стала бы развиваться в Европе, случись такое там, а не в Москве?

– Ну, там бы не стали раздумывать, конечно. Объявили бы эпидемию, привлекли бы армейские подразделения.

– Именно так. А знаешь, почему?

– Ну, менталитет...

– Менталитет тут ни при чем, – жестко ответила Наталья. – На эффективную борьбу с террористами им решительности не хватает, но с чумой все будет совсем иначе! Тут дело в генетической памяти об опустошительных эпидемиях, выкосивших, без преувеличения, половину населения средневековой Европы. Там слово «чума» подействовало бы не столько на разум, сколько на то самое подсознание, доводя действия насмерть перепуганных должностных лиц до простых, но эффективных рефлексов.

– Вроде армейских? – Пичугин не удержался от язвительного тона.

– Да. Я понимаю, что у тебя вызывает иронию. Да, я нелестного мнения о военных и других людях, бездумно выполняющих приказы. Но это в обычной жизни. На войне, скорее всего, только такое поведение и допустимо. Вот я и думаю, что всех этих людей, гражданских, не знающих слово «приказ» и давно уже позабывших о «черной смерти», можно мотивировать на предельную сосредоточенность только одним способом.

– Произнеся слово «чума»?

– Да. И напомнив, что именно оно означает. Я хочу им напомнить, что костехранилище в Чехии построено из останков погибших именно во время этой эпидемии! Кошунство, конечно, но это память ужаса.

– Понятно. Ну, тогда и я стесняться не буду. Пусть шевелятся. Решено?

– Решено. Мне даже без экспертизы понятно, что это чума. Если в Москве была чума, значит, и здесь она. И занесли ее именно от нас. Упустили мы кого-то. Или из пассажиров, или из вторичных контактных. И теперь нам предстоит понять, кто и как преодолел расстояние от Москвы до Воронежа и кого успел заразить по дороге? Для этого нам тут надо, как говорится всем хвосты накрутить.

– Теперь я понял, зачем ты перед отлетом сделала копии иллюстраций из справочника. Хочешь вызвать визуальный шок?

– Я попробую. Образная информация быстрее доходит до подсознания. – Она еле заметно прикоснулась к руке Пичугина, негромко проговорив: – Если сможешь, организуй покупку спортпитания, боюсь, мне будет некогда.

Тот кивнул, усмехнулся, вернулся в машину к заскучавшему было генералу и забрался на заднее сиденье.

Наталья направилась ко входу в Роспотребнадзор. За ее спиной хлопнула дверца внедорожника и донесся шум мотора отъезжающей машины. Не сбавляя шаг, она вынула удостоверение. Ее томило скверное предчувствие. Интуиция подсказывала, что ситуацию не получится купировать так же легко, как в Москве. Там столько всего сплелось, но все случайности, если связать и проанализировать цепочку событий, все же больше помогали, чем мешали. Не стала бы их частью злая воля Ковалева, решившего банально заработать на ситуации, было бы еще легче. Но из песни, как говорится, слова не выкинешь. Генерал ФСБ Ковалев в самый критический момент показал свое истинное лицо предателя, пытаясь под шумок эпидемии выкрасть и продать секретные данные американцам. Так что Наталье не только болезнь пришлось останавливать, но и Ковалева выводить на чистую воду. И даже лично задерживать.

– Вас ждут! – сообщил охранник на вахте, изучив удостоверение. – Проходите на второй этаж. Я позвоню, и вас встретят.

Наталья забрала удостоверение и молча кивнула. Не было ни времени, ни малейшего желания вступать в разговоры только ради вежливости. К тому же обморок в самолете стал тревожным звоночком. Теперь все время придется контролировать работу тела. Хотя к внутренней дисциплине Наталье было не привыкать. Нельзя отмахиваться от внутренних ощущений. Если не давать уровню адреналина подняться выше допустимого уровня, то и метаболизм будет в норме. Нужно следить за дыханием, не позволять себе злиться, и все будет в порядке.

Вот только сохранять спокойствие в складывающейся обстановке совсем непросто. В Москве Евдокимова понимала, что не сможет никому ничего доказать, никого не сможет расшевелить, поэтому осталась сама распутывать картину распространения чумы. Благо совершенно чужой, казалось бы, человек, Олег Пичугин, присоединился к ней и очень во многом помог. Но другие...

Наталья ощутила, как пульс снова начинает переходить на повышенные обороты, сделала пять глубоких вдохов и взяла себя в руки.

Здесь, в Воронеже, все может оказаться намного хуже. В Москве еще вчера изначально были все данные о первом обнаруженном заболевшем. Тот был таксистом и мог многих заразить, из-за чего все в полной мере понимали степень опасности. А тут один безымянный больной. И никаких иных сигналов. Это может создать иллюзию безопасности, иллюзию того, что беда как бы сама собой рассосалась. Вот этой иллюзии в головах местных руководителей Наталья боялась больше всего.

В коридоре ее встретила секретарь Людмила Сергеевны Шиловской.

– Пройдемте в помещение штаба, – девушка жестом пригласила Наталью за собой. – Народ постепенно прибывает, скоро начнется первое совещание.

Женщина кивнула и проследовала в зал для пресс-конференций, рассчитанный примерно на сто журналистов. Внутри работали кондиционеры и было прохладно. Собравшиеся начальники и заместители, человек пятнадцать, заняли места не в пространстве для журналистов, а вокруг стола у трибуны. Чтобы их разместить, пришлось доставить разномастные офисные стулья и кресла из других помещений. Но пока свободных мест оставалось вдвое больше, чем занятых.

Завидев Наталью, из-за стола поднялась дама лет сорока пяти на вид и громко представила вошедшую.

– Товарищи, это представитель головного РПН, Наталья Викторовна Евдокимова.

Наталья добралась до стола и кивнула.

– А вы, как я понимаю, Людмила Сергеевна Шиловская?

– Совершенно верно. Мы виделись на республиканских совещаниях, но не нашлось повода для личного знакомства, – ответила та.

Она пригласила Евдокимову занять место за столом и обратилась к присутствующим:

– Коллеги! У нас не было времени заготовить на всех таблички с именами и должностями, поэтому просьба ко всем, называйте, пожалуйста, имя и должность перед выступлением. А вы, Наталья Викторовна, присаживайтесь где удобно.

Наталья выбрала кресло рядом с Людмилой Сергеевной, достала из портфеля несколько чистых листов бумаги, ручку и цифровой диктофон. Диктофон она сразу включила и положила перед собой, чтобы ничего из сказанного не упустить безвозвратно, а ручкой приготовилась записывать фамилии и должности, чтобы никого не перепутать. На самом деле ничего этого ей было не нужно, все атрибуты она выложила исключительно, чтобы не порождать слухов о своих необычных способностях.

– Мы с главным врачом станции «Скорой» как раз обсуждали необходимые меры, чтобы незамедлительно выявлять подозрительные симптомы, если будут вызовы на лихорадку и респираторные заболевания, – поделилась Людмила Сергеевна.

– От выявления очага прошло больше двух часов! – Наталья с упреком покачала головой. – От вашего доклада руководству РПН прошло два тридцать пять, и все это время диспетчеры и бригады «Скорой помощи» еще не получили всех необходимых инструкций?

– Нет, нет! Мы действуем по инструкции! Первичный инструктаж для линейных бригад и врачей поликлиник мы провели сразу, и в целом... Ну, они в курсе. – Людмила Сергеевна несколько ступсывалась. – Правда ведь, Селиван Ерофеевич?

– Ну... Да! – Селиван Ерофеевич тоже замялся. – Больной-то пока всего один! Зачем поднимать панику в городе лишними расспросами на вызовах? И так, город мы закрыли, люди, конечно, встревожены... Мы стараемся держать ситуацию под контролем. На вокзалах и на постах ДПС стоят приборы, которые измеряют температуру всем выходящим из города. Людей переписывают, предупреждают. Руководителям всех служб, кто должен работать за городом, приказали подготовить списки рабочих. В общем, если где-то появится атипичная пневмония, мы готовы. Отделение на тридцать коек в инфекционной больнице уже в дежурном режиме. Приказы написали и подписали. Мэр в курсе сразу был.

– Лишними расспросами, вы сказали? – Наталья еле сдержалась, чтобы не сжать кулаки. – Нет, Селиван Ерофеевич, они не лишние. И больной, судя по озвученным результатам микробиологии, не один. Он не может быть один. И не будет один... То, что вы готовы, – это хорошо. Но что вы сделали для предотвращения расплзания инфекции, кроме пикетов на дорогах и медицинских постов?

– Я не согласен с вами, Наталья Викторовна! Больной один. И может быть один и дальше! Мы тут все на ушах стоим, меры принимаем, город несет колоссальные убытки! – уверенно заявил незнакомый толстощекий мужчина лет пятидесяти, не представившись. – Кто знает, сколько он пролежал там, у дороги? Когда его выкинули из машины? Где теперь эта машина? Вы, милочка, знаете, что псовые не болеют чумой и не разносят ее? Пострадавшего ведь обнаружила только собака, а ее хозяйка, судя по показаниям, к больному даже не приближалась и не прикасалась. Бригада «Скорой» уже изолирована, весь контактировавший с больным персонал изолирован, сам больной тоже переведен в отдельную палату...

– Переведен? – Наталья обреченно вздохнула. – Понятно. Сколько вы его держали в коридоре?

– До получения результатов микробиологии, – ответила за толстощекого Людмила Сергеевна. – Успокойтесь, Наталья Викторовна. Поставьте себя на место врачей-травматологов. Откуда им было знать? Пока он ими расценивался как обычный избитый бомж, они сделали все, что должны были. Кто ждет чуму каждую минуту? Для всех это был шок. Они и сейчас в себя никак не придут.

– То есть утром из Москвы к вам приходит циркуляр по атипичной пневмонии. В больницу доставляют человека с явной двусторонней пневмонией, харкающего кровью, и ваши спецы его кладут в коридоре? И сейчас вы предлагаете мне успокоиться? По-вашему, это нормально?

– Если мы каждого харкающего кровью бомжа будем класть в отдельную палату... – опять не представившись, проворчал толстощекий.

– Так, стоп! – Людмила Сергеевна хлопнула ладонью по столу. – Вы, Сергей Семенович, тоже не перегибайте палку! Наталья Викторовна права, циркуляр был! А вы с ним не ознакомились, когда было положено. И терапевт, судя по ее объяснительной, указала вам на возможную опасность, а вы отмахнулись.

Мужчина хмыкнул.

– Сергей Семенович Герасименко у нас исполняет обязанности заведующего травматологией в больнице «Скорой помощи», – представила его Людмила Сергеевна. – Да, он разместил больного с некоторыми огрехами. Но он руководствовался обстоятельствами и тем, что пациент неизвестный, без полиса.

– Это не огрехи! – спокойно заявила Наталья. – Это преступная халатность. Халатность, способная привести к очень серьезным последствиям. Надо признаться, что я ожидала нечто в этом роде. Это мне понятно, и это предсказуемо. По сути, мы не готовы к подобным ситуациям. Мы позабыли. . .

– Позабыли что? – поморщился Герасименко.

– Позабыли, что кроется за словом «чума». Для нас уже давным-давно за ним кроются только природные очаги и редчайшие случаи одиночного заражения. Бубонная форма для нас нечто вроде страшилок на ночь, так как не осталось черных крыс, способных ее переносить. Мы позабыли, что бывает и легочная форма, способная выкашивать мегаполисы при имеющемся уровне смертности и при почти полном отсутствии возможностей ее заметно снизить.

Она достала из портфеля пачку бумаг и одним стремительным движением раскинула их на столе, так что они оказались перед каждым участником совещания. Это были копии древних гравюр на тему чумы. Средневековые врачи в жутковатых масках, женщина в черных лохмотьях, верхом на крысе, танцующие скелеты, телеги, полные трупов.

– Я вам напомню, что такое чума, – пообещала Наталья. – В первую очередь это высокая смертность. Древние понимали важность наглядной агитации и выполняли ее, как умели, но весьма эффективно.

Она выложила на центр стола две гравюры. Одна изображала сожжение горы трупов, другая телегу, заполненную мертвецами.

– Если не лечить, то при легочной форме мы получаем почти сто процентов смертности. Если лечить антибиотиками, то девяносто пять. Эта статистика – неизбежность. Заболел – умер.

Она выдвинула на центр стола гравюру с танцующими скелетами.

– Вы нас запугать решили? – пробурчал Герасименко. – Мы тут, знаете ли, пуганые.

– Незаметно. Два часа! Два! А вы только думаете, какие меры принять! Хорошо хоть Кочергин город перекрыл.

– Наталья Викторовна. . . – Людмила Сергеевна старалась не смотреть на гравюры. – Мне кажется, вы сгущаете краски. Нет никаких данных, позволяющих сделать заключение о распространении очага. У нас один больной. Уже много часов. И нигде в городе больше не проявилось ничего подозрительного. Нигде.

– О чем это, по-вашему, говорит? – не скрывая иронии, спросила Наталья.

– Мы как раз до вашего прихода обсуждали это.

«Обсуждали они! – закипая от гнева, подумала Наталья. – Беседовали! Еще бы самовар на лужайке растопили».

– И к какому выводу пришли? – не выдавая эмоций, спросила она.

– Смотрите сами. О пропаже парня никто не заявил. Нашли его около автомобильной дороги, со следами побоев, а также со следами перцовой вытяжки. Что это значит? Значит это, что была потасовка, драка. Кочергин проверил все ночные клубы и дискотеки, ничего не было, а он докладывал еще до вашего приезда и предположил, что, вероятнее всего, из Москвы на юг ехала компания. Эдакие любители активного отдыха, они разъезжают на микроавтобусах в погоне за ветром, волнами, скалами. . . Ну, за чем они там гоняются? По дороге повздорили, например, из-за девушки. Парня избили, а потом выкинули на обочину и поехали дальше.

– Вы правда в это верите? – с легким нажимом спросила Наталья. – Или пытаетесь убедить себя, что все вот так и было и что ваш город беда миновала? Ведь куда уехали еще несколько гарантированно зараженных, уже не ваша головная боль, а моя. Так?

– Дело не в головной боли, а в компетенции, – уточнила Людмила Сергеевна. – В этом случае действительно это будет уже не в нашей компетенции, а в вашей как представителя головной организации.

– Красивая картинка, да. Не то что эти. – Наталья показала на копии гравюр. – Но, чтобы делать такие выводы и чтобы на них можно было опираться, вам бы не мешало познакомиться с «черной смертью» поближе. С ее коварством. Побродить по степям в противочумном костюме при температуре за сорок. Посмотреть в глаза двенадцатилетнему киргизскому мальчику, которого уже не спасти, потому что он от голода поймал зараженного суслика, зажарил на костре и съел. А потом за двое суток сгнил от септической чумы, успев перед смертью заразить родителей и братьев с сестрами. А так, боюсь, эта картинка существует только в вашем воображении. Знаете почему?

– Ну, просветите нас, заблудших, – фыркнув, предложил Герасименко.

Остальные члены совещания не вступали в разговор. Кто-то рассматривал картинки, кто-то внимал, приоткрыв рот, кто-то морщился, живо представляя себе все описанные Евдокимовой ужасы.

– Он не мог приехать на автомобиле, – уверенно заявила Наталья. – И я вам это, как говорится, на пальцах докажу. Не мог, потому что в его состоянии он был болен уже около суток. Или даже больше. Это значит, что мог он заразиться только в московском аэропорту «Домодедово», куда в воскресенье вечером прилетел борт из Оренбурга. Ну, или в самолете, что менее вероятно. Во-первых, потому что мы нашли всех прилетевших и изолировали их, и во-вторых, у него болезнь была бы в другой стадии. Затем он, по вашей версии, сел, надо полагать прямо в аэропорту, в машину и отправился на юг. То есть прямо тогда – а это уже никак не вяжется по времени! Допустим, он приехал к кому-то на квартиру, а утром или днем понедельника уже катил сюда с веселой компанией. Для чего и прилетел в Москву. Так?

– Вполне правдоподобно, на мой взгляд, – вставил реплику один из участников совещания. – Прошу прощения, не представился, заместитель руководителя Департамента здравоохранения Берман Давид Осипович. Я полагаю, версию с компанией вполне реальной. За иные виды транспорта зацепок нет, нам дали сводку из аэропорта, автостанции и с вокзала. За прошедшую ночь никто, похожий на заболевшего, в город не прибывал.

– И по характеру травм его точно били! – Герасименко покивал соглашаясь.

– До этого места правдоподобно, – согласилась Наталья. – Но дальше что? Судя по состоянию гематом и перелома, по вашему же отчету, кстати, Сергей Семенович, пострадавший получил побои ночью, то есть они свежие. Выходит, что до этого времени он ехал в одной машине с кем-то еще, но, главное, с водителем этой машины. И при этом его болезнь не прогрессировала?!

– И что здесь такого? – Людмила Сергеевна тоже не поняла ход мысли Натальи. – Мало ли наших больных легкомысленно относятся к простуде?

– А то, что они ехали почти сутки. Вместе. А продрома у этого серовара¹⁰ в девяноста процентах наблюдается уже через двенадцать часов. И мы с вами знаем, что это была совсем не простуда! Им бы уже было бы не до драки, понимаете? С температурой тридцать девять, кашлем и болью в легких! Им было бы всем уже очень плохо. Нарастающий озноб, головная боль. И это не клиника обычной простуды! Любой нормальный человек, поняв, что болезнь не проходит на фоне приема бисептола, не поехал бы на юг, искать ветра, солнца и волн морских, а обратился бы к врачу. Тем более что боль в груди нарастает от часа к часу. Сработал бы банальный инстинкт самосохранения даже у последнего беспечного раздолбая, простите за вульгаризм.

– К чему вы клоните? – В голосе Людмилы Сергеевны послышалась дрожь.

¹⁰ Серологический вариант штамма *yersinia pestis*. Всего известно 4 природных серовара, в 1944 году особенно (в 60 раз) вирулентный серовар искусственно выведен японским врачом Сиро Исии в отряде 731. Нельзя исключить, что этот серовар до сих пор обитает в некоторых районах Маньчжурии и прилегающих территориях РФ.

– К тому, что те, с кем он ехал в машине, не могли его избить. Это во-первых. А во-вторых, они никуда не поехали бы из Воронежа. Они должны были бы остаться и обратиться к врачу. С такими же симптомами.

– Но ведь не было никаких подобных обращений!

– А что, если они не в больницу обратились... – Наталья не без удовольствия заметила, что Людмила Сергеевна побледнела. – Что, если просто в аптеку?

– Господи! Максим Федорович! – дрожащим голосом откликнула она.

– Да? – Худощавый мужчина в очках оторвал взгляд от разбросанных по столу гравюр.

– Сколько у нас аптек работает ночью?

– С ходу и не скажу. Надо узнать? Это я через полчаса сообщу. – Максим Федорович достал телефон и с извиняющимся видом принялся бубнить в трубку.

– Срочно! – велела Людмила Сергеевна и наконец тоже посмотрела на страшные рисунки.

«Проняло, – подумала Наталья. – Теперь начнут работать. Уже лучше».

– Так, коллеги, я должна навестить больного и всех зараженных. Они лежат в одном отделении? – Наталья подняла кейс. – Сколько их всего?

– По сводке дежурного инфекциониста, – не заглядывая в бумаги, отозвалась Людмила Сергеевна, – пятьдесят семь человек, исключая больных травматологии, которые никак не контактировали с пострадавшим.

– Хорошо, – ответила Наталья. – На это количество больных моего комплекса хватит!

Она посмотрела на большие часы, висящие на стене в зале. Они показали двадцать часов сорок три минуты.

Глава 4

В которой Стежнев гонится за поездом Москва – Адлер, размышляет над полученным заданием и избавляется от неприятного «балласта»

Черный, наглухо тонированный «Мерседес» мчался по трассе, включив синий проблесковый маячок, временно установленный на крыше. Солнце уже опустилось за горизонт, а сумеречное небо, медленно остывая, освещало алым светом плывущую за окнами степь, изрезанную неглубокими балками и рассеченную лесополосами из пирамидальных тополей. Водитель, одетый в черные брюки и кремовую рубашку, полностью сосредоточился на управлении, совершая один обгон за другим, невзирая на знаки и разметку. А на заднем сиденье задумчиво глядел в окно видный мужчина, одетый в дорогой костюм. Было ему меньше сорока лет, но ухоженные борода и усы придавали солидности.

Пролетев без остановки очередной пост ДПС, водитель чуть расслабился, глянул в зеркало и сказал пассажиру:

– Кир, дай мне эту мигалку напрокат. Братаны офигеют. Ни одна ментовская падла не остановила. А мы сколько уже отмахали...

– Без моих документов от этой мигалки никакого прока, – отмахнулся пассажир. – Если остановят, хрен отмажешься.

– А что за документы? Ментовские корочки, что ли?

– Круче. – Пассажир усмехнулся, достал из кармана удостоверение офицера ФСБ и протянул водителю.

– Офигеть! – Водитель скосил взгляд. – Стежнев... Не знал твоей фамилии, блин. Типа, офицер ФСБ? Липа ведь?

– Не липа, – пробурчал Стежнев, забирая удостоверение. – Крышу надо нормальную иметь.

– То есть тебя настоящий фээсбэшник крышует? Офигеть. Кстати, Болт как-то говорил, что ты там служил когда-то. Или батя твой. Да?

– Было дело. Ты на дорогу лучше смотри. Нам кровь из носа надо успеть в Новочеркасск до половины десятого.

– Успеем, не гони беса. С такой ксивой-то. Но вообще ты меня разочаровал, братан.

– Чем же? – Стежнев глянул на водителя с интересом.

– Тем, что служил, блин. Никто ведь не знает, поди?

– Ты же от Болта слышал, значит, знают, – не скрывая иронии, ответил Стежнев.

– А я вот не знал.

– И? – В голосе Стежнева проявились стальные нотки.

– Что «и»? Это выходит, Хлыщ меня назначил тебя слушаться, а ты, значит, мент. И выходит такая шняга, что я у мента на побегушках, что ли?

– Ты, Сеня, базар-то фильтруй. Я тебе не Болт и даже не Хлыщ. Сечешь тему?

– И в чем же разница?

– В том, что я Хлыщу говорю, как и чем рулить, а не он мне.

– Это Хлыщ тебя сейчас не слышал, ага.

– Я ему при тебе то же самое вотру, – спокойно ответил Стежнев.

– Ну, что для перевозки твоих яиц карьерный самосвал нужен, это мы слышали. Чего уж. Но все равно, я считаю, что бывших ментов не бывает, а быть у мента на побегушках – западло.

– Ты спецом кидаешься дурнем?¹¹ – поинтересовался Стежнев. – Я сказал, что служил в ФСБ, а не в ментовке. Разницы не улавливаешь?

¹¹ Ты нарочно прикидываешься дураком? (блатн.)

– Ее нет почти, – спокойно ответил водитель. – Да ладно, не грузись. Хлыщ сказал, я делаю.

– Так и не трепись тогда попусту, – посоветовал Стежнев.

Вскоре объехали какой-то город по окружной трассе, снова без остановки пролетев пост ДПС. За окнами опять потянулась безлюдная степь.

– Тормозни, – велел Стежнев. – Поссать надо¹². На дорожку сверни у лесополосы.

Водитель молча сбросил скорость и свернул на узкую дорожку, ведущую, по всей видимости, к поселку. Асфальтирована она была из рук вон плохо, в некоторых местах зияли дыры до щебенки. Чтобы долго не катить по ухабам, водитель остановил машину у ближайших кустов. Стежнев выбрался наружу и, подтянув брюки, чтобы не запачкать их в пыльной траве, сходил в заросли справить малую нужду. Вернувшись, он спросил у водителя:

– Сам-то пойдешь?

– А? Да, надо бы отлить.

Хлопнув дверцей, водитель тоже направился к кустам, но он еще не успел перебраться через кювет, когда Стежнев достал пистолет и наверху на него глушитель. Открыв окно и дождавшись, когда водитель скроется за кустами, Стежнев прицелился, почти наугад, и дважды нажал на спуск. Дважды раздался звучный хлопок, дважды клацнул затвор, выбрасывая стреляные гильзы. Из глушителя заструился сизый дым от прогоревшего оружейного масла. За кустами с треском рухнуло тело.

– Базар надо фильтровать¹³, Сеня, – произнес Стежнев. – Долше бы прожил.

Он не спеша свернул глушитель, достал из кармана пару патронов и дозарядил ими магазин взамен отстрелянных.

Не выходя из машины, Стежнев перебрался за руль, развернулся на узкой дорожке в два приема и, вернувшись на трассу, поддал газу.

Отмороженные бандюганы вроде Сени или того же Хлыща порой его невероятно бесили. Самомнением в основном. По сути, это все шушера, какой калибр ни возьми. Мнят себя чем-то стоящим, масти себе выдумывают, систему иерархии... А копни чуть глубже, и за этой шелухой проявится обычный вор, боящийся всего на свете. И сколько угодно они могут кичиться, мол, тюрьма дом родной и туда вернуться за счастье, но правды в подобных бравадах не было нисколько. Стежнев после увольнения из ФСБ немало покрутился в уголовных кругах, чтобы составить о них мнение.

Но ему важна была не столько теоретическая сторона вопроса, сколько практическая. Точнее, он искал ответ на вопрос, как управлять криминальным миром себе на благо. В какой-то мере от этого зависело выживание. С учетом формулировки, с которой Стежнева выгнали из органов госбезопасности, несмотря на высокую должность отца, о безбедной мирной жизни нечего было и мечтать. А перебиваться с рубля на копейку он не собирался. Вот и приходилось втираться в доверие к бандюганам.

Благо и среди бывших коллег нашлось заинтересованное лицо. Генерал Ковалев, прекрасно осознавая, что далеко не любую работу он может поручить действующим офицерам ФСБ, и не менее отчетливо понимая, что у бандитов на подавляющее число грязных дел банально ума не хватит, он сразу взял уволенного Стежнева к себе под крыло. С точки зрения самого Стежнева, по сути, вообще мало что изменилось. Уменьшилась только мера ответственности, и отчитываться приходилось теперь только перед одним человеком, перед самим Ковалевым, а не перед стопкой начальников разных рангов. А доля власти, ради которой Стежнев пытался сделать карьеру, только увеличилась.

¹² Остановись, мне нужно помочиться (*блатн.*).

¹³ Думать надо, что и кому говоришь (*блатн.*).

В общем, такой переход на нелегальное положение Стежнева устраивал в полной мере. Ковалеву каким-то образом удалось справиться для него настоящее удостоверение офицера, а в случае чего генерал лично поручался за липового сотрудника перед другими службами. Зарплату Стежнев не получал, зато получил доступ к намного более жирному куску – к криминальным доходам бандитских группировок, контролируемых Ковалевым. Собственно, единственной задачей, которую Стежневу надлежало решать, была именно связь между Ковалевым и воровскими авторитетами.

Насчет самого Ковалева у Стежнева иллюзий не было, как и насчет бандитов. Ковалев был обычным преступником, что называется, оборотнем в погонах. А потому, на взгляд Стежнева, уважения заслуживал не большего, чем любой из воровских авторитетов. А вот бояться его стоило. И держаться его было необходимо, так как ему достаточно пальцем пошевелить, и от Стежнева мокрого места не останется. С учетом всего этого Стежнев выстраивал линию собственного поведения. Делал, что скажут, не болтал лишнего, бандитов доводил до ужаса, потому что, кроме страха, они ничего больше не понимали.

Взять того же водителя Сеню. Обязательно его было убивать? Вроде бы потрепался и забыл. Но нет. Дело не в том, что именно он сказал, а в чей адрес он осмелился вкнутить кривое слово. Теперь всякий будет знать, что в отношении Стежнева язык лучше придержать, а то головы лишиться можно на счет раз.

Еще лет пять назад Стежнев, читая от скуки какой-то романчик, скачанный из сети, обратил внимание на сюжет о бывшем военном по кличке Немой. Причем немотой он не страдал, просто ни с кем не вступал ни в какие дебаты, а сразу валил за любой непотребный базар. Поэтому с ним никто не разговаривал, и он жил молча. Именно к этому состоянию стремился Стежнев. Ни одного человека на свете он не считал достойным беседы с собой. А раз так, то нечего и время тратить. Взял, что надо, и свалил. Вот и вся философия.

Сверившись с навигатором, Стежнев свернул с трассы на второстепенную дорогу, ведущую к станции Новочеркасск. Именно туда в двадцать часов с минутами должен был прийти дополнительный поезд на Адлер под номером 202А. Этим поездом, согласно сведениям, полученным у коменданта на вокзале, возвращался на родину некто Алексей Еремеевко, сержант, демобилизованный из подмосковной секретной части.

Стежнев не любил задавать генералу Ковалеву лишних вопросов. Меньше знаешь, лучше спишь. Но в данной ситуации несложно было самому догадаться, зачем тот велел нагнать поезд, отыскать в нем Еремеевко и забрать все носители информации, какие при нем будут обнаружены.

Очевидно, Ковалев подозревал утечку не просто секретной, а весьма ценной для него информации из военно-космического бункера под Москвой. Эта информация могла стать для Ковалева билетом в новую жизнь за границей, да еще и с приличной пенсией. Конечно, если получится добыть информацию и слить ее агентам из ЦРУ. Но добыть ее было непросто. Если только кто-то другой не решил ее тоже продать. А у Ковалева на это нюх. Он сам всю жизнь руководствовался логикой предателя и другим ее приписывал с легкостью. Так и возникла у него идея, что руководитель проекта, полковник Бражников, нанял Еремеевко, чтобы тот безопасно доставил флешку с данными западному агенту. Логика в этом была, так как никто, кроме Еремеевко, не имел прямого контакта с руководителем проекта и не покидал часть в ближайшие дни.

С этим Бражниковым вообще какая-то мутная история произошла. Толком Ковалев ничего не говорил, но зачем-то велел достать ОЗК с изолирующим противоголом, забрал машину и умотал куда-то. Возможно, в ту самую секретную часть. Что-то там произошло из ряда вон выходящее, иначе можно было бы без ОЗК обойтись и уж тем более без громоздкого изолирующего противогола. Это раз. Во-вторых, Ковалев зачем-то велел доставить к нему внештатного аналитика, хромого неудачника Пичугина, который слыл способностью делать

выводы на основе очень разрозненных фактов. За каким Ковалеву понадобился этот бумажный червь? Что-то распутывать. ОЗК, плюс Пичугин, плюс переговоры с кем-то по поводу проекта Бражникова, пока Ковалев ехал в машине... Стежнев не любил задавать лишних вопросов, но давно научился сам делать выводы из разрозненных фактов. Вопрос выживания.

Но самая большая странность со стороны Ковалева – это, конечно, приказ убить Наталью Евдокимову, которая никак не была связана с Бражниковым. Ну, по крайней мере, видимой связи не улавливалось. Евдокимова занималась всякими инфекциями в Роспотребнадзоре. Баба как баба, на взгляд Стежнева, с такой можно было бы порезвиться. Маленькая, ладненькая, не то что большинство нынешних, которых легче перепрыгнуть, чем обойти, или большинство «форматных телок», больше напоминавших суповой набор или жертв концлагеря. Вот только зачем Ковалеву понадобилось ее убивать? Единственный вариант, который пришел Стежневу в голову, – это чтобы что-то скрыть. А что, если она спец по болячкам?

Стежнев, конечно, приказание выполнил, и Евдокимову пристрелил, когда она с Пичугиным оказалась на парковке возле больницы. Но вскоре после этого Ковалев приказал гнаться за поездом, в котором возвращался домой со службы сержант Еремеев. Никак это не тянуло на банальные совпадения. ОЗК и Евдокимова – специалист по опасным болезням. Буча с Бражниковым и лучший аналитик. Причем из внештатников, чтобы меньше знал. Из всего этого Стежнев сделал вывод, что в секретном бункере, где проводил эксперименты Бражников, была, вероятно, совершена диверсия с применением бактериологического оружия, а Пичугин понадобился, чтобы размотать это дело. Ковалев хитрый лис и мог заподозрить Бражникова, мол, тот под прикрытием им же устроенной диверсии как-то умудрился отправить Еремеева с данными на встречу, например, к агентам ЦРУ. А Евдокимова, возможно, поняла, что диверсия не настоящая, поэтому Ковалев и приказал ее убрать, пока она не слила эту информацию военным.

Все складывалось в очень интересную картину. Масштабность действий Ковалева говорила, что сам он за цену не постоит в попытках добыть данные, перевозимые Еремеевым. А раз так, то цена этих данных очень высока. На миг Стежнев даже задумался, а не стоит ли попытаться на этот раз обыграть самого Ковалева? Забрать носитель с данными, грохнуть этого Еремеева, а потом через бандюганов поискать выходы на агентов иностранных разведок? То, что у америкосов наверняка есть свои люди в криминальной среде и в среде националистов или либеральных ублюдков, он знал доподлинно. Контроль всякой вечно всем недовольной швали необходим Западу, ведь если получится когда-нибудь устроить в России революцию, никого, кроме откровенной швали, не выгнать на улицы, чтобы жечь все, громить, убивать. Нормальные люди на это не пойдут. Даже на Украине вся грязная работа делалась руками криминальных подонков, хотя и в простом народе там удалось накрутить антироссийские настроения. Народ вообще трудно направить на революционную деятельность. В нем есть здоровая мера социальной инерции, то, что можно назвать народной мудростью. Именно поэтому революционной деятельностью занимается только откровенное отребье, начиная от банального криминалитета и до либеральных крикунов всех мастей, живущих на щедрое вознаграждение Запада.

Но, подумав, Стежнев все же отказался от этой идеи. С Ковалевым шутки плохи. Этот старый черт из-под земли достанет.

Быстро темнело. Душная южная ночь быстро вступала в свои права, зажигая такие крупные звезды, каких не увидишь в небе больших городов. Впереди показались огни. Судя по навигатору, это был поселок Сармат, расположенный на окраине Новочеркасска. Стежнев выключил мигалку, остановился и снял ее с крыши, чтобы уже не привлекать излишнего внимания местной полиции. Одно дело, когда ты мчишься по трассе, и всем по большому счету все равно, какая там очередная «шишка» летит по своим делам. Совсем другое – небольшой городок, в каждом из которых у высокого полицейского начальства свои интересы и свой сор в избе, который никто не хочет никуда выносить. Поэтому любая незнакомая машина с проблес-

ковым маячком в первую очередь воспринимается полицейскими как повод доложить наверх о возможной прибывшей ревизии из центра. И тут сразу же начнется паника: что, откуда... Начнут звонить тому же Ковалеву... Проще этого избежать, и пользоваться удостоверением лишь в случае необходимости, а не в плане отмазок.

Глава 5

В которой Пичугин встречает нового начальника и признается, что у него ничего не было, а в награду получает новенький смартфон

Когда Наталья скрылась из виду за дверями Роспотребнадзора, Пичугин прикинул, как лучше исполнить ее просьбу о приобретении спортивного питания. Он представления не имел, где это можно быстро и без проблем приобрести в Воронеже.

– Станислав Аркадьевич! – произнес он, обращаясь к Кочергину. – Не в службу, а в дружбу, как говорится. Личная просьба от Натальи Викторовны. Как вы заметили, она дама очень спортивная, не просто за фигурой следит, а у нее пунктик на питании. Мы в таком темпе собирались, что она не успела взять с собой запас. Не будете ли вы так любезны, организуйте покупку пары ведер сухой смеси белкового состава для атлетов. И пару баночек аминокислот ZMA.

Кочергин улыбнулся:

– Хороша девочка! Сколько ей? Тридцатничка еще нет? Все организуем в лучшем виде, не волнуйтесь. Куда доставить?

– Я думал, вы нам какой-нибудь транспорт дадите? – намекнул Олег.

– Вот, – обвел рукой салон джипа Кочергин. – Все удобства. И простор, и кондишен, и персональный водитель! Скорость, правда, не высока, но нам тут гонять негде. Знакомьтесь, это Володя, сержант полиции. Насчет питания не беспокойтесь. Пока будете в УФСБ, он все доставит. Так, Володя?

Водитель кивнул, не отрываясь от дороги, но все-таки добавил:

– Так точно, сделаю!

– Володя! Меня отвезешь в РПН на совещание, а сам вернешься к Олегу Ивановичу и поступаешь в его распоряжение!

На этот раз водитель ответил коротко:

– Есть!

Уже выходя из «Патриота», Пичугин прошептал, наклонившись к уху Кочергина:

– Ей тридцать пять, Станислав Аркадьевич. Вот что делают спорт и здоровый образ жизни!

Он аккуратно закрыл дверцу, оставив изумленного генерала в машине.

Дежурный по управлению выслушал Пичугина, связался по телефону с кем-то, после чего выписал временный пропуск. В провозачные ему выделили женщину-лейтенанта, но у той, видимо, тоже было немало дел, поэтому она сопровождала аналитика до нужного коридора и подсказала, за какой дверью его ждут.

«Странная ситуация, – подумал Пичугин. – Что-то тут не так. Даже в глуши не видел, чтобы неизвестно кого отпускали разгуливать по управлению ФСБ. Проверка? Подстава?»

Верить хотелось в лучшее, но готовиться он привык к худшему. Собравшись с духом, перешагнул порог просторного кабинета, который имел вытянутую форму, из-за чего больше напоминал отгороженную стенами часть дворцового коридора. Убранство тоже было под стать дворцовому. На дальней длинной стене красовался герб, точнее, это была эмблема ФСБ, но от старинного герба со щитом и мечом она отличалась мало. Слева и справа от эмблемы возвышались два одинаковых остекленных шкафа из орехового массива. На их полках сверкали кубки, холодное оружие на подставках, привезенное из разных стран, дипломы в рамках, различные сувениры, от морских раковин до статуэтки из черного дерева, изображающей африканскую пару, совокупающуюся стоя.

Торцевые короткие стены были по всей ширине затянуты плотными бордовыми портьерами. Вряд ли там были окна, скорее шторы скрывали двери в прилегающие помещения.

Вдоль шкафов, почти во всю длину кабинета, тянулся стол, тоже сделанный из цельного древесного массива. Массивную столешницу, толщиной не менее пятнадцати сантиметров, украшала инкрустация в виде звездной карты со стилизованными изображениями зодиакальных созвездий.

Пичугин уже много раз убеждался, что чем дальше от Москвы находится кабинет управления ФСБ, тем затейливее он обставлен.

За столом сидел генерал-майор, в мундире и при погонах, довольно молодой для своего звания и должности. По его лицу трудно было определить точный возраст, уж слишком много событий оставили на нем следы, но был точно моложе Пичугина.

– Давайте сразу договоримся общаться без званий. Меня зовут Эдуард Филиппович, – представился он, поднимаясь навстречу вошедшему.

– У меня и нет звания. – Пичугин с улыбкой пожал плечами.

– Лукавите, дорогой мой! Лукавите! Вы – капитан запаса.

Начало разговора Пичугину не понравилось. Обращение «дорогой мой» было свойственно генералу Ковалеву, у которого Пичугин работал внештатным аналитиком после увольнения из ФСБ. Любая ассоциация с человеком, нанявшим киллера для Натальи, вызывала теперь крайне неприятные воспоминания. У него даже улыбка невольно слетела с губ, что не укрылось от цепкого взгляда Эдуарда Филипповича.

– Устали? – спросил тот.

– Есть немного. Прошедшие сутки были непростыми, – честно ответил Пичугин. – Плюс не самый комфортный перелет. Полтора часа на турбовинтовом транспортном самолете... Сами понимаете, не пассажирский лайнер.

– Да, отвыкли мы, отвыкли... – Эдуард Филиппович откинулся на спинку кожаного кресла, не уточняя, от чего они отвыкли, но добавил: – Раньше на У-2 и «Аннушках» летали, и ничего. Вы присаживайтесь, Олег Иванович, не стесняйтесь.

Пичугин опустил на один из многочисленных стульев, устроившись прямо напротив генерала.

– Ладно, приступим к делу. – Начальник воронежской ФСБ говорил спокойно, никаких бумаг перед ним не было, даже экран компьютера не светился. – Генерал Трифонов сообщил мне о вашем прибытии и о цели этого прибытия. А также сообщил о вашей роли в выявлении преступного замысла генерала Ковалева. Отработали вы замечательно, прямо виртуозно. Но тут, насколько я понимаю, вам предстоит работа больше в стиле полицейского расследования. Или я ошибаюсь?

«Похоже, не все ему Трифонов рассказал, – с тревогой подумал Пичугин. – Интересно, почему? Не доверяет? Только ли чумой и мерами борьбы вызван такой интерес? Ведь в Москве мы справились, почти не прибегая к помощи этого ведомства. Почти».

Пугающая догадка забрезжила на границе сознания, и от нее пробил озноб. Пичугин, чтобы сохранить самообладание, запретил себе думать в этом направлении. Нельзя выдавать себя.

– Что вы считаете стилем полицейского расследования? – вопросом на вопрос ответил Пичугин.

Это была его любимая тактика. Кем бы ни был собеседник, мягко, корректно вынудить его выйти за рамки привычных поведенческих шаблонов. И посмотреть, что получится.

– Эээ... – Эдуард Филиппович замялся. – Ладно, сформулирую вопрос иначе. Более точно. Насколько текущие события в Воронеже отвечают нашему, так сказать, профилю? Еще точнее, насколько они угрожают национальной безопасности?

– Возможная эпидемия чумы? – Пичугин нахмурился. – Очень угрожает она национальной безопасности. Сверх всякой меры.

– Я не об этом... – Эдуард Филиппович, видимо, сообразил, что Пичугин куда более крепкий орешек, чем он решил при первом взгляде. – Понимаете, генерал Трифонов у нас известный... Ну, как бы помягче выразиться о высоком начальстве... С его точки зрения, перестраховка – страшный грех. Поэтому он всегда выдает ситуацию мягче, чем она есть на самом деле. Понимаете? Я бы хотел услышать ваше личное мнение как преуспевшего внештатного аналитика.

– Боюсь вас разочаровать, – честно признался Пичугин. – Я не уполномочен давать какие-то личные оценки за пределами мнения непосредственного начальства.

– Э... А вам не кажется, дорогой мой...

– Нет, не кажется, – отрезал Пичугин. – Я прибыл в Воронеж в составе комиссии РПН, а также и по приказу генерала Трифонова с конкретной задачей – помочь сотрудникам Роспотребнадзора в установлении личности неизвестного заболевшего, с чем не справляется местное УВД и, между прочим, вы тоже. Ибо пока неизвестно, кто он, откуда и с кем имел контакты до обнаружения, высок риск распространения инфекции. Сами специалисты РПН эту задачу решить не смогут. Только совместными усилиями с МЧС, МВД и ФСБ.

– Ха! Лихо! – Эдуард Филиппович рассмеялся. – С чего вы взяли, что мы не справляемся? Я хочу понять, дорогой мой, что от нас скрывает генерал Трифонов? Он бы не послал вас сюда из Москвы, если бы дело касалось только установления личности какого-то бездомного. Речь, вероятно, идет о теракте с применением бактериологического оружия?

– Мочало сначала... – Пичугин устало выдохнул. – Я не уполномочен...

Слева раздался громкий хлопок в ладоши. Пичугин повернул голову и увидел генерала Трифонова собственной персоной, вышедшего из-за портьера и аплодирующего последней реплике.

– Bravo! – произнес Трифонов. – С вами, Олег Иванович, можно смело в разведку ходить. Я, говорит, не уполномочен... Генералу ФСБ... Ай да молодец! Вот на таких людях, Эдик, и держится национальная безопасность. А не на таких лоботрясах, как ты, скороспело нацепивших генеральские эполеты.

– Товарищ генерал! – обиженно протянул Эдуард Филиппович.

– Цыц! – велел Трифонов. – А вы молодец, Олег Иванович. А то отпустишь кого в свободный полет, так тем только дай возможность начальство прополоскать.

– Проверяли? – удивленно спросил Пичугин.

На самом деле, процентов на семьдесят удивление пришлось сыграть, так как он интуитивно предполагал нечто подобное. Например, что компьютер на самом деле не выключен, а генерал на прямой линии в скайпе внимательно слушает разговор. По-настоящему удивило его, что генерал опередил их с Натальей. Вот это действительно был фокус, достойный Копперфилда. Страшное предположение опять возникло в голове, но Пичугин снова отстроился от него.

– А как же! – Трифонов обогнул стол, уселся рядом с Эдуардом Филипповичем и поднял с пола кейс с защищенным ноутбуком в армейском ударопрочном корпусе. – Проверял. Есть такая надобность. Понимаешь, Эдик, Олег Иванович у нас – золотая голова. Незаменимых у нас нет, это точно, но аналитиками такого уровня грех разбрасываться. Понятно, почему Ковалев его держал вне штата. Чтобы поменьше было информации в отчетах о его заслугах. И везучий он настолько, что я, когда читал досье, целый графин воды выпил от избытка чувств. Редко когда такие качества соединяются в одном человеке. Вот ты, Эдик, везучий, но при этом мало отличаешься от столицы Кампучии. Только та Пномпень, а ты пень пнем. С Олегом Ивановичем ситуация прямо противоположная. Он и везучий, и умный, и дотошный, и преданный, что твой бобик, как выяснилось. Не уполномочен он, дескать. Ну, фрукт! Рад я, Олег Иванович, что события с Ковалевым привели вас ко мне. Очень рад.

«Он бы не приехал сюда только из-за чумы, – с замиранием сердца подумал Пичугин. – Да еще так спешил, что обогнал нас с Натальей. Что-то еще случилось. Что-то из ряда вон выходящее».

Пичугин ощутил, как на руках под рубашкой зашевелились волосы от прилива адреналина. С вегетативной реакцией справиться очень трудно, но ему удалось заставить себя дышать спокойно и контролировать голос, чтобы не изменился. Может, зрачки расширились? Не должны, не хотелось бы...

Однако именно в этот момент генерал Трифонов отвел глаза.

– А теперь, Эдик, покинь помещение, пожалуйста.

– Ну, товарищ генерал! – возмутился хозяин кабинета.

– Твою же мать, Эдик! Я очень хорошо к тебе отношусь, и ты это знаешь. Но порой ты начинаешь так тупить, что мне хочется убедить моих московских коллег в кадрах в недостаточности твоей компетенции. Если я хочу поговорить с кем-то наедине и прошу тебя покинуть помещение, ты должен телепортироваться, не возражая. А если не умеешь телепортироваться, то будь любезен поменять пространственные координаты своей задницы любым доступным для тебя способом. Иди чаю попей или покури... или адъютанта трахни.

Пичугин подумал было, что казарменная шутка относилась к нетрадиционной ориентации Эдуарда Филипповича, но потом сообразил, что это могло быть частью психологической атаки на самого Пичугина. Это могло быть попыткой заставить его мозг искать ответы на вопросы, которые не имели ни малейшего смысла. Ведь адъютантом могла быть и та самая встретившая его женщина-офицер. Наверняка и провожатую ему выбрали, чтобы напомнить о существовании женщин в штате.

«Не слабо взялись, – подумал Пичугин. – Не к добру это».

– Ладно, не кипятитесь, товарищ генерал. Так бы и сказали, что не для моих ушей. Чего грубить-то все время? Да еще при посторонних и младших по званию.

«Снова всплыл вопрос моего звания, – отметил Пичугин. – Не может это быть случайностью. Не та контора».

– Во-первых, если кого я и сочту посторонним, то уж точно не Олега Ивановича. Во-вторых, я тебе не грублю. И желаю тебе никогда не услышать, как я тебе грублю.

«Льстит, – уверенно подумал Пичугин. – Льстит безбожно и грубо. И вообще эта перепалка сильно напоминает дешевое деревенское шапито. А по факту – театр для одного зрителя. Для меня. Ну-ну. Поглядим, что дальше. Наверняка будет доверительная беседа».

Эдуард Филиппович покинул кабинет и крепко закрыл за собой дверь.

Как только щелкнул замок, Трифонов сразу стал серьезным.

– Эдик очень хороший офицер, – произнес он. – Я его еще сопляком помню. Рос под моим началом, в Москве. Оперился, перевели в Воронеж, главой управления. Молодой, не очень умный, но старательный, исполнительный и на своем месте. Волевой, умеет слушать более мозговитых консультантов, принимать решения, ценить сотрудников и нести за них личную ответственность. Так что относитесь к нему с уважением и доверием.

– Понятно. А это все для чего нужно было? – напрямую спросил Пичугин.

– А это чтобы он не расслаблялся и берега не терял, – ответил Трифонов и неожиданно заржал совершенно солдафонским хохотом.

Пичугин слотнул. Он понимал, что с момента, как покинул машину Кочергина и переступил порог управления ФСБ, находится в состоянии массивной психологической обработки. И показное панибратство Эдуарда Филипповича, и неожиданное появление Трифонова, и театральная перебранка между двумя генералами, и доля лести в адрес Пичугина, все это вписывалось в общую картину принципов психологической атаки. Важно эту атаку осознать, что уже сделано, потом пропустить мимо ушей, насколько это вообще возможно, и понять, ради чего все это было затеяно. А главное – не верить ни одному слову, которому, по мнению

манипулятора, обрабатываемый непременно должен поверить. Впрочем, последнее тайной не останется. Ради чего все, ему сообщат, иначе смысла не будет. А вот попытка выдернуть «клиента» из привычного психического состояния нужна для установки каких-то психологических якорей, которые отследить будет не так-то просто, когда сталкиваешься с ними в исполнении таких прожженных профессионалов, как генерал Трифонов.

Пичугин не без содрогания вспомнил сегодняшнее утро, когда он оказался перед Трифоновым в качестве подозреваемого в связи с предателем Ковалевым. Допрашивать генерал умел. Если бы не Наталья, которая лично обезвредила Ковалева, чем сняла с Олега обвинения, дальнейшие его перспективы могли быть весьма мрачными. Но после того как Ковалев застрелился в захваченном им самолете и при нем оказались диски с секретной информацией, все перевернулось с головы на ноги. Трифонов раскаялся, извинился и предложил работать в его аналитической группе. И хотя Пичугин только обещал подумать, начальник ждать не собирался, и уже к шести вечера первым заданием стал Воронеж, помощь местным силовикам в установлении личности заболевшего.

– Ладно, капитан, давай к делу. – Трифонов смахнул пальцем выступившую от смеха слезу и тут же успокоился, словно в его голове переключился тумблер, моментально переведя тело и эмоции на другой режим. – Давно ли вы знакомы и насколько близко сошлись с Евдокимовой?

Наверное, если бы под Олегом взорвалась петарда размером с гаванскую сигару, это бы оказало на него меньшее действие, чем прозвучавший вопрос. Пичугин едва не подпрыгнул, а может, даже и подпрыгнул.

– Ну... – произнес он, чтобы дать себе время прийти в себя.

– Спал ты с ней или нет? – с напором уточнил Трифонов.

– Что? – Олег постарался максимально сильно изумиться.

– Секс с ней был у тебя или нет? – откровенно, с немалой долей наглости спросил генерал.

Пичугин понял, что Трифонов его, что называется, «додавливает». Цель в такой ситуации у манипулятора всегда одна – выбить из-под «клиента» все привычные клинья, подвесить его в воздухе, а потом задать главный вопрос, на который тот ответит либо честно, либо соврет, но это будет сильно заметно.

Такое положение вещей мозг Пичугина воспринимал уже как критическое, и с восприятием вдруг произошло нечто необычное. Во-первых, время остановилось. Мир замер, словно на киноплёнке. Трифонов, не успевший закрыть рот в конце вопроса, так и сидел неподвижный, как статуя.

Во-вторых, мысли в голове Пичугина не то что не замерли, а наоборот, прояснились так, как еще не прояснялись. В воздухе перед аналитиком, словно на фантастическом голографическом мониторе, светящимися туманными линиями прочертились логические взаимосвязи. Можно было мысленно взять любой модуль, переместить его, поменять местами с любым другим, поменять связи, ведущие к нему.

В первый миг это ошарашило Пичугина, но потом прояснившийся ум родил единственно правдоподобную идею.

«АКСОН! – подумал Пичугин. – Вот как может проявляться его работа! Надо не мешкать, а использовать это».

На самом деле, Пичугин чего-то подобного ждал. После того как прошлым утром Лемех дал ему АКСОН, чтобы подавить вживленный Ковалевым маячок слежения, Пичугин ждал хоть каких-то изменений в организме. АКСОН, принятый Натальей пятнадцать лет назад, проявлялся в ней достаточно явно. К примеру, ее внешний вид. Ей под сорок, а выглядит она на двадцать пять максимум. Двигается так, что в глазах размазывается... Хотя она сказала, что такое действие на ее тело АКСОН стал оказывать только после покушения и клинической смерти. Но все равно, электронная таблетка Лемеха не просто так дремала в желудке. Теперь

она, похоже, проявилась и у Пичугина, хотя Наталья уверяла, что для ее полной интеграции в нервную систему понадобится пара недель, и намекнула, что чем больше экстрима переживает организм, тем активнее становится АКСОН. А тут прошло чуть больше суток. Но зато сейчас это проявление, выразившееся в небывалой здравости рассудка, несмотря на бессонную ночь, допрос, перелет сюда, было как нельзя кстати.

С точки зрения Пичугина, прошло секунд пятнадцать, а может, и целая минута, и он заметил, что мир не замер, просто движется неправдоподобно медленно. Трифонов все же закрывал рот. Но это движение казалось Пичугину настолько медленным, что его сразу было не отследить.

«Это не мир замедлился, – догадался Пичугин. – Это мое восприятие ускорилось до немислимых значений».

Но тратить такую способность на глупые суматошные мысли было жаль, и Пичугин сосредоточился на главном – на ответе. Какого ответа ждал от него Трифонов? Каким ответом будет удовлетворен?

Понять было сложно, не зная мотиваций, по которым Трифонов его задал.

«Так, стоп! – Пичугин заставил себя успокоиться. – Какой интерес вообще Трифонову до Натальи? Она прижала Ковалева к стенке настолько, что тот решил застрелиться, лишь бы не оказаться на допросе в ФСБ. Факт. Отлично. Тогда вопрос Трифонова может быть обусловлен желанием завербовать Наталью как ценного сотрудника. Но генерал ведь не дурак. Он навел справки и должен знать, что Наталья при всей ее социальной ответственности не будет работать на военные структуры и структуры госбезопасности. Она, если так можно выразиться, идейный враг солдафонства. Нет-нет, тут что-то другое!»

Мысли Пичугина текли ровно, распределялись на параллельные логические потоки, нигде не вихрились и не мешали друг другу. Он оценил данную версию как возможную, но маловероятную, и мысленно отодвинул ее в сторону на воображаемом голографическом мониторе.

Какие еще могли быть возможности?

И тут у Пичугина словно бомба взорвалась в голове. Слова «Наталья», «Ковалев», «самолет», «задержание» словно образовали логический кластер на воображаемом мониторе, а затем озарились яркой, как ядерный взрыв, вспышкой.

«Ковалев захватил не просто самолет! – подумал Пичугин. – Он захватил самолет китайского министра. Это мне известно. Сообщали в новостях, и Головин сказал. Наталья не могла вынудить Ковалева застрелиться, если использовала только собственные естественные возможности единоборств, каким бы мастером ни была. Она весит чуть больше сорока кило. А Ковалев – боец, стрелок, проводивший часы в тире и в зале на татами. Наталья могла победить его только в том случае, если ей помог АКСОН, наделив невероятной скоростью и нечеловеческой реакцией. Поскольку это происходило в самолете китайского министра, там наверняка есть камеры наблюдения. Эти камеры сняли все, что происходило. Китайцы настолько оторопели от увиденного, что передали запись в ФСБ, где она прямиком попала к Трифонову, который курировал проект, украденный Ковалевым. Логично, что именно к нему!»

Эта цепочка была настолько безупречной, что мотивации Трифонова стали прозрачнее горного хрусталя. Увидев запись и сообразив, что Пичугин неизбежно вошел в доверие к Наталье, Трифонов решил выяснить природу столь необычных способностей, явно входящих в компетенцию госбезопасности. То есть, скорее всего, у него на ноутбуке именно эта запись. Он покажет ее и предложит проследить за женщиной. Но только в том случае, если получит устраивающий его ответ. Иначе найдет другой способ. Другой! А это намного хуже! Тогда за Натальей будет следить кто-то еще, а это куда хуже, чем следить за ней самой.

Придя к такому выводу, Пичугин моментально сформировал нужный ответ, и его восприятие вернулось к прежней скорости. Трифонов закрыл-таки рот, а аналитик произнес, поддерживая игриво солдафонский тон беседы:

– К сожалению, ничего не было. Да и когда нам? Все сутки на бегу. Просто поспать, и то некогда было.

– Вот как? – Трифонову не удалось скрыть удивление под маской спокойствия. – Но вы хотели?

Пичугин решил не разочаровывать генерала, с одной стороны, а с другой – не выдать своей симпатии к Наталье.

– А кто бы ее не захотел? Знойная женщина. Вы видели, какие у нее сисечки? Лифчик она, кажется, не признает.

– Да уж! Формы достойные! – поучив удовлетворявший его ответ, Трифонов расслабился. – Прямо в ладошку укладывай. На редкость пропорционально сложена! Я хоть и старый хрен, а оценил. Призывная девочка.

Он снова заржал, а Пичугин взял себя в руки, как-то очень легко справившись с мгновенно налетевшим и отступившим бешенством, чтобы не врезать ему кулаком «по сопатке». Генерала Трифонова он без рентгена «видел насквозь», понимал и то, что этот, в общем, образованный и достаточно интеллигентный человек играет роль. А если играет – нужно аккуратно подыграть.

– И не говорите! – Пичугин кивнул с деланным сожалением. – Мы приехали к ней домой, переодеться. Я намекнул, мол, давай расслабимся, напряжение снимем. А она – нет, ни в какую.

Он старался врать убедительно. Вряд ли генерал вычислит, что у них не было ни минуты свободного времени. Попутно он решил заострить внимание Трифонова на квартире Натальи, а про их совместный визит к Лемеху умолчать. Если интерес Трифонова связан с АКСОНОм, это могло иметь смысл.

– То есть она вас, Олег Иванович, мягко и мотивированно отшила?

– Выходит, что так. Но раз мы с ней оказались в одном городе и решаем общую задачу, я намерен попытки свои не оставлять. – Пичугин понимал, что Трифонов и ждал такой откровенности, на грани бахвальства.

Молодая спортивная женщина – желанная добыча для уже немолодого бывшего фээсбэшника-аналитика, особенно перенесшего лучевую болезнь, если верить досье Пичугина.

– Не бойтесь? – снова сделавшись предельно серьезным, спросил Трифонов. – Все-таки не юноша, особенно после тех доз, что получили на полигоне. Она же как кошка дикая!

– Чего мне бояться? Я же не насиловать ее собираюсь.

– Ну... Как сказать. Я не об этом. Евдокимова очень загадочная женщина. С сюрпризом, я бы сказал. – Трифонов сделал паузу, словно задумавшись, но на самом деле наблюдая за лицом Пичугина. – Хотите, я вам покажу интереснейшее кино? Выложи его на «Ютьюб», можно сразу отхватить пару миллионов просмотров. На нем, кстати, у вас будет возможность увидеть Наталью Викторовну в таком виде, что вам, думаю, понравится.

– Голой, что ли? – Пичугин постарался добавить интонацию как можно пошлее и улыбнулся.

– Не совсем, но близко к тому. В трусишках бегают по аэродрому. Хотите?

– Еще бы! Конечно! – горячо заверил Пичугин.

Он старался не выходить из роли озабоченного ловеласа и отметал желание посмотреть на себя со стороны. Ему действительно очень хотелось увидеть Наталью в момент захвата, и было немного приятно, что при этом у него даже не возникало необходимости лгать. Это был его единственный честный ответ за все время, проведенное в воронежском управлении. Вот только интересовали его совсем не неглиже и «трусишки» Натальи Евдокимовой, как выразился генерал Трифонов, а то, что заставило китайского министра передать запись ФСБ.

Трифонов включил воспроизведение. Звуча не было. Ролик начинался сразу с действия, и запись шла с одной камеры. Скорее всего, китайцы сами обрезали файл, чтобы не показывать русским лишнего, так как на первых кадрах Ковалев с пистолетом в руке уже стоял в проходе между креслами самолета, и почти сразу в кадре появилась Наталья. Действительно, на ней не было ничего, кроме спортивного топа для фитнеса и трусов.

– Почему она в таком виде? – спросил Пичугин, отметив про себя, что о таких подробностях спутница ему вчера не рассказывала.

– Судя по камерам, на здание аэропорта ей пришлось прыгать сквозь стену пылающего авиационного керосина после взрыва заправщика, – ответил Трифонов. – Там кадры тоже эффектные, но эти круче.

– Одежда сгорела прямо на ней?

– Скорее расплавилась, а остатки Наталья Викторовна сама содрала с себя. Вот просто содрала, не останавливаясь. Я представить себе такого не могу. Вы видели на ее ногах ожоги?

– Я ее ног еще не видел, – ответил Пичугин, не отрывая взгляда от монитора.

Дальше монитор показал нечто невообразимое. Наталья в буквальном смысле исчезла в одном кадре, а в следующем появилась на полтора метра ближе к Ковалеву. Это произошло так стремительно, что Ковалев выстрелил не в Наталью, а в то место, где она только что находилась.

– Как вам такой фокус, Олег Иванович? – спросил Трифонов, нажав паузу.

– Это не монтаж? – для приличия усомнился Пичугин, отыгрывая удивление, но стараясь не перегнуть.

– Нет. Исследовали запись покадрово. Все перемещение ее заняло около сорока миллисекунд. На одном кадре изображение уже чуть смазанное, это говорит о том, что прыжок уже начался. На следующем кадре зафиксировалась только туманная полоса, а на третьем снова туманный силуэт. Три кадра, это пятьдесят пять миллисекунд. Значит, ваша знакомая преодолела полтора метра примерно за сорок – сорок пять миллисекунд. Но дело даже не в этом. Она стартовала с места и остановилась почти как вкопанная. Вы представляете, какую силу надо приложить, чтобы остановить даже сорок килограммов, разогнанных до скорости полтора метра за сорок миллисекунд? Дальше так же. Она уходит с линии огня.

Трифонов снова запустил воспроизведение. На экране Наталья сделала еще два столь же стремительных прыжка, сбив с ног Ковалева, и тот, не имея возможности попасть в Наталью, пустил пулю себе в голову.

– Невероятно! – прошептал Пичугин, делая вид, что удивлен до последней возможности.

Впрочем, играть почти и не приходилось. Как бы ни был он подготовлен к такой информации еще Лемехом, но одно дело слушать рассказ и совсем другое – увидеть.

– Собственно, поэтому я и прилетел, – признался Трифонов. – Чума чумой, но мне местная ситуация с распространением инфекции представляется не такой угрожающей, как в Москве. Один заболевший, его уже локализовали...

– Надо все равно выяснить, кого он мог еще заразить, – уверенно заявил Пичугин.

– Безусловно! И это очень удобный повод выяснить то, что действительно касается государственной безопасности.

– Вы о Наталье?

– Естественно!

– А чем, по-вашему, может быть вызвана такая аномалия? Природная способность? И что опасного в ней? Она же не производит впечатление социопата. Скорее наоборот.

Пичугин не просто так задал этот вопрос. Он хотел протестировать, как на него отреагирует Трифонов. И он отреагировал. Едва заметно. В его глазах мелькнула тень разочарования. Он ждал от Пичугина чего-то иного, возможно, ответов на собственные вопросы. Но не дождался.

– Нет, это не природная способность, – глухим тоном ответил Трифонов. – Я предполагал, что она вам сказала. Раз не сказала, значит, не доверяет.

– А с чего бы ей мне доверять? Мы с ней знакомы чуть более суток.

– Как бы там ни было, вам, Олег Иванович, ее доверия придется добиться. Это и есть ваше главное задание. Чума чумой, но мы должны выяснить о проекте АКСОН и о носителях этих устройств все. А если она такая не одна? – Трифонов, произнеся «непонятное», как он считал, для Пичугина словосочетание «Проект АКСОН», продолжил объяснять: – Я вам сейчас объясню, откуда у Натальи Викторовны могут быть такие способности, а потом вы поймете, что требуется именно от вас лично.

– Хорошо. – Пичугин кивнул, усмехнувшись про себя и стараясь «не потерять лицо».

– Дело в следующем. Вы знаете, что, как оказалось, Наталья Викторовна тоже была знакома с Ковалевым?

– Да. Естественно, ведь я с ней встретился собственно после того, как она позвонила ему. Ковалев привлек меня к расследованию инцидента с чумой, как я понял, по ее просьбе.

Трифонов наконец избавился от напускной грубости и казарменной пошлости. Теперь он говорил серьезно, и, похоже, этот монолог подготовил заранее.

– Так вот, пятнадцать лет назад она случайно оказалась впутана в историю, которая вскрылась только после самоубийства Ковалева. Все эти годы на Наталью Викторовну у нас ничего не было, мы за ней не следили, у нас вообще нет на нее сколько-нибудь полного досье. Только характеристики по работе, а они самые положительные.

– Вы компромат на нее собираете, что ли? – удивился Пичугин.

– Нет. Я сообщаю, что на нее у нас вообще почти нет никакой информации. Мы почти ничего не знаем о периоде ее жизни длиной в пятнадцать последних лет. Детский сад, школа, институт, диссертация, научная работа, работа специалиста по чуме. Все! Исключительно прекрасный сотрудник. Обаятельная, но очень серьезная женщина, с которой не может ужиться ни один мужчина. И никаких деталей за последние пятнадцать лет. Сейчас мои парни начали собирать информацию из ее прошлого. Но на это уйдет несколько дней или даже пара недель.

– Почему вас именно этот период интересует?

– Есть причина. Дело в том, что, судя по увиденным вами кадрам, пятнадцать лет назад она соприкоснулась с очень, очень, очень секретной разработкой, которую курировал тогда еще полковник Ковалев по линии госбезопасности. И ее сверхспособности не являются природными. Они являются следствием внедрения в ее организм этого аппарата под названием АКСОН.

– Да ладно... – Пичугин старательно изобразил неподдельное удивление.

Это удалось без труда, потому что хоть и слушал эту историю уже второй раз, но теперь как бы с другой стороны, и всего-то надо было реагировать адекватно. Поднимать брови, хмыкать, с сомнением покачивать головой.

– Именно так. В руководстве комитета были уверены, в основном на основании отчетов самого Ковалева, что все без исключения прототипы устройств уничтожены, а сам проект провалился. Из отчетов было известно, что этих прототипов было несколько. Но когда ко мне попала запись с Натальей Викторовной, стало очевидно, что как минимум один АКСОН сохранился и существует. Да не просто существует, а вживлен и успешно действует.

«Что бы он сказал, если бы узнал, что и у меня в желудке тоже стоит АКСОН?» – не без удовольствия подумал Пичугин.

– Раз прототип существует, то, скорее всего, выжил и один из создателей АКСОНа, некто профессор Лемех. Согласно отчету Ковалева, Василий Федотович Лемех погиб при взрыве лаборатории. Но откуда тогда взялся АКСОН у Евдокимовой?

– А может, от самого Ковалева? Если они давно знакомы. Такая версия вполне реальна.

Пичугин с удовольствием кинул Трифонову спасательный круг. Чугунный. И Трифонов тут же за него уцепился.

– Кстати! Действительно! Я почему-то не додумался до такой простой версии. Вы блестящий аналитик! Уверен, мы с вами работаем.

Пичугин подумал, что нужно спросить что-нибудь еще про АКСОН. Подробности. Иначе ушлый Трифонов не сейчас, так потом догадается, что его дурачат. Любой человек, ничего не знающий об АКСОНе, засыпал бы сейчас его вопросами. А если не засыпал, значит, не очень-то удивлен.

– А для чего вообще был нужен этот АКСОН? – ввернул Пичугин. – Никак не пойму идею.

Тут же в глазах Трифонова мелькнула тень удовлетворения. Он даже чуть расслабился. Ключнул на наживку.

– Согласно сохранившимся отчетам, АКСОН даже толком не протестировали. Не успели. Была лишь идея, воплощенная в нескольких прототипах. И все. Зато какая идея! По проекту он назывался официально «Изделие ИСВ-01», то есть индивидуальное средство выживания, АКСОНом его называли сами создатели. Крошечный электронный модуль АКСОН после приглатывания человеком закреплялся на стенке его желудка и, внедрив некую субстанцию в организм, получал возможность подключить собственный микропроцессор к нейронной системе тела. Получился эдакий электронный доктор, способный активизировать нужные процессы в нужное время. Унимать боль, ускорять метаболизм и время реакции, значительно повышать остроту зрения и слуха, а еще ускорять заживление ран в несколько раз.

– Ого! Полезная штука! – присвистнул Пичугин.

А про себя подумал: «Он еще и мозги прочищает отлично. Работает как суперкомпьютер».

– Правда, военных заказчиков больше интересовала другая особенность АКСОНа, – продолжил Трифонов. – Так что Лемеху с командой на ее реализации пришлось сосредоточиться. После смерти бойца, пока еще сохранялась жизнеспособность нейронов и мышечной ткани, АКСОН должен был перехватывать управление и подавать в нервы запрограммированную последовательность импульсов. По сути, это была та же самая гальванизация трупа, которую демонстрировал еще Луиджи Гальвани в анатомических театрах, повергая зрителей в шок. Труп на столе начинал дергаться конечностями и изгибаться как живой. Но во времена Гальвани не было мощных процессоров, способных упорядочить этот процесс, на время превратив погибшего в агрессивного «зомби».

Пичугин вспомнил свой ужас, когда погибшая, казалось бы, Наталья вдруг ожила и принялась щелкать зубами, пытаясь дотянуться до него. Хорошо еще, что он ей поверил и связал, как она требовала уже смертельно раненная.

– У группы Лемеха такой процессор был, – произнес Трифонов. – Он создал несколько «зомби-шаблонов» для АКСОНа, основанных на движениях различных хищников. По задумке, стоило мозгу погибшего бойца отключиться, управление на себя брал АКСОН и заставлял труп вскакивать, кидаться на противника, рвать, кусать и крушить все вокруг себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.